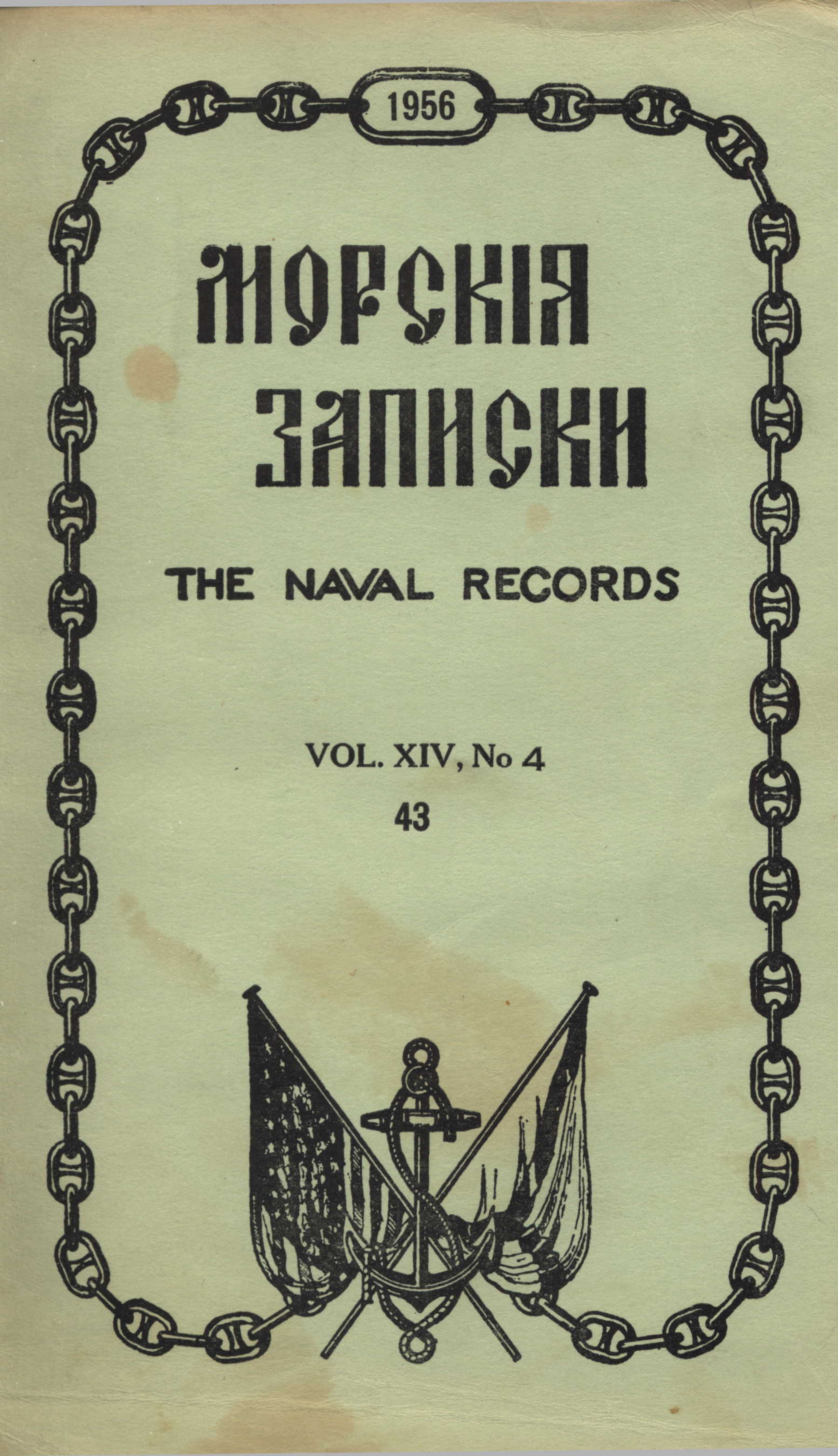

1956
МОРСКІЯ
ЗАПИСКИ
THE NAVAL RECORDS
VOL. XIV, No 4
43

МОРСКІЯ ЗАПИСКИ
Издаваемыя Обществомъ Офицеровъ Россійскаго Императорскаго флота въ Америкѣ
подъ редакціей
Ст. Лейт. Бар. Г. Н. ТАУБЕ.
465 Лексингтонъ авеню
Нью Іоркъ, С. Ш. А.

THE NAVAL RECORDS
Published by the Association of Russian Imperial Naval Officers in America, Inc.
G. N. Taube, Editor.
465 Lexington Avenue,
New York 17, N. Y., U.S.A.

VOL. XIV, No. 4 [43] **Price $ 3.00 yearly** December 1956

Содержаніе: / Contents:

Printed by All-Slavic Publishing House
33 Bond Street, New York 12, N. Y., U. S. A.

Контръ-адмиралъ Б. П. Дудоровъ.

ВИЦЕ-АДМИРАЛЪ А. И. НЕПЕНИНЪ

(Продолженіе)

ПЕРЕДЪ ГРОЗОЙ.

Боксерское возстаніе закончилось подписаніемъ международнаго протокола въ сентябрѣ 1901 года, но войска интервентовъ были окончательно выведены изъ Шанхая лишь въ январѣ 1903 г. Небезинтересно отмѣтить, что Россія, Японія и Соединенные Штаты Америки при переговорахъ съ китайскимъ правительствомъ проявляли гораздо большую снисходительность къ послѣднему, чѣмъ Германія, Англія и, отчасти, Франція, требовавшія смертной казни многихъ сановниковъ, причастныхъ къ дѣлу Боксеровъ, и даже привлеченія къ отвѣтственности самой вдовствующей императрицы. Въ результатѣ долгихъ пререканій между этими группами державъ только три наиболѣе скомпрометированныя лица были самымъ китайскимъ правительствомъ обезглавлены и тремъ чиновникамъ было имъ же предложено покончить съ собою. Политическія же и финансовыя послѣдствія для Китая оказались значительно болѣе тяжелыми.

Еще болѣе чреватымъ роковыми событіями сказалось Боксерское движеніе на общеміровой международной политикѣ. Въ связи съ возрастающей мощью Японіи и усиливающимся вліяніемъ России въ Китаѣ и Кореѣ вновь обостряется традиціонная со временъ Дизраэли англійская ревность къ послѣдней и ареной ея становится Тихій океанъ.

Англо-японское соглашеніе 1902 года, признававшее за Японіей особые интересы въ Кореѣ и обезпечивавшее ей подъ прикрытіемъ Англіи строгій нейтралитетъ остальныхъ дер-

жавъ въ случаѣ ея столкновенія съ Россіей, было прямымъ вызовомъ послѣдней.

Поощряемая своей новой союзницей и поддерживаемая недоброжелательнымъ къ Россіи международнымъ капиталомъ Японія стала лихорадочно готовиться къ войнѣ. Въ отвѣтъ на это вызывающее поведеніе островной имперіи Россія, въ свою очередь, стала постепенно усиливать свои морскія силы въ Тихомъ океанѣ.

ВЫСШЕЕ КОМАНДОВАНІЕ ФЛОТОМЪ. АДМИРАЛЪ СКРЫДЛОВЪ.

Смѣнившій адмирала Гильдебрандта въ началѣ Боксерскихъ событій адмиралъ Скрыдловъ не вполнѣ отвѣчалъ требованіямъ момента. Правда, у него было нѣкоторое имя со временъ турецкой войны и обладалъ онъ какъ умѣніемъ оцѣнивать обстановку, такъ и достаточно сильнымъ характеромъ, способнымъ на быстрыя рѣшенія и настойчивое проведеніе ихъ въ жизнь.

Подтвержденіемъ этому можетъ служить хотя бы тотъ небольшой инцидентъ, который такъ красочно описанъ свидѣтелемъ событія Д. В. Никитинымъ (Фокагитовымъ) въ его разсказѣ — „Шанхайгуанъ".*)

Желаніе захватить въ свои руки контроль надъ стратегически важной желѣзной дорогой, ведущей изъ этого порта черезъ Тяньцзинь на Пекинъ, привело къ почти одновременной высадкѣ въ немъ небольшихъ дессантовъ съ Англійской и Русской эскадръ. Фортъ Шанхайгуана, символически, по своей слабости, выражавшій его оборону, оказался, когда къ нему подошелъ русскій отрядъ, уже занятымъ англичанами, поднявшими на немъ свой флагъ. Тогда командующій русскимъ отрядомъ лейтенантъ, по совѣту пошедшаго съ дессантомъ судового священника, занялъ расположенную на господствующей надъ мѣстностью высотѣ кумирню и поднялъ надъ городомъ русскій флагъ. Назрѣвалъ международный конфликтъ о пріоритетѣ занятія Шанхайгуана, на который англичане не безъ нѣкотораго основанія претендовали. Но Скрыдловъ не уступалъ и всѣмъ своимъ авторитетомъ

---

*) „На берегу и въ морѣ". Сборникъ разсказовъ. Изд. при К.-К. б М. О. Р. Ф. въ Санъ Франциско.

поддержалъ дѣйствія командующаго дессантомъ. Его настойчивость вскорѣ была вознаграждена. Неожиданно на желѣзнодорожной станціи появился отрядъ русскихъ войскъ генерала Церпицкаго, взявшаго Тянцзинь и оттуда занявшаго всю линію до Шанхайгуана, чѣмъ въ корнѣ разрѣшался вопросъ о контролѣ надъ нею. Дѣйствія же Скрыдлова закрѣпили за Россіей и господство надъ портомъ, являющимся ключемъ оперативной линіи интервентовъ на Пекинъ, ставившей ее въ весьма выгодное политико-стратегическое положеніе.

Честь этого разрѣшенія инцидента принадлежала, конечно, и проявившему недюжинный тактическій талантъ скромному „Батѣ" — іеромонаху и командовавшему отрядомъ офицеру, взявшему на себя отвѣтственность за самовольное измѣненіе данныхъ ему инструкцій въ соотвѣтствіи съ обстановкой. Но, разумѣется, прежде всего слѣдуетъ отдать должное Командующему эскадрой, быстро оцѣнившему создавшееся положеніе, принявшему соотвѣтствующія мѣры и проявившему значительную силу воли въ достиженіи поставленной себѣ цѣли.

Къ сожалѣнію, при всѣхъ этихъ столь важныхъ для вождя положительныхъ качествахъ, свойственная Срыдлову безшабашность принимала порой совершенно не соотвѣтствовавшія его высокому положенію, требовавшему и дипломаическихъ данныхъ, формы. Такъ, напримѣръ, на пари, онъ снимаетъ съ англійскаго корабля часового; въ Нагасаки, послѣ ужина съ обильными возліяніями, адмиралъ со своими гостями съѣзжаетъ на берегъ и, въ предшествіи судового оркестра, совершаетъ ночной обходъ веселыхъ кварталовъ города, скандализируя японскія полицейскія власти.

Все это, конечно, не могло бы помѣшать ему оказаться хорошимъ командующимъ во время войны. Напротивъ — извѣстная лихость всегда импонируетъ подчиненнымъ. И, повидимому, среди командъ эскадры онъ такой репутаціей и пользовался.

Это лишь впослѣдствіи, когда, будучи послѣ гибели Макарова назначенъ Командующимъ Флотомъ, онъ замедлилъ прибытіемъ въ Портъ-Артуръ и, не сдѣлавъ вполнѣ возможной попытки проникнуть туда послѣ обложенія крѣпости, застрялъ на берегу во Владивостокѣ, эти буйныя выходки прошлыхъ временъ принесли ему нелестную и несправедливую клич-

ку „кабацкаго героя". Однако, нельзя забывать, что тогда центръ тяжести войны на морѣ уже переносился на готовившуюся къ походу на Дальній Востокъ Вторую Тихоокеанскую эскадру адмирала Рожественскаго, дѣйствія которой должны были быть координированы съ дѣйствіями Первой эскадры, главной задачей которой ставилось самоохраненіе до этаго момента. Руководить же всѣмъ флотомъ изъ отрѣзанной крѣпости было, очевидно, невозможно и потому, слѣдую высшимъ директивамъ, Скрыдловъ вынужденъ былъ выжидать время, оставаясь въ бездѣйствіи на берегу.

Какъ бы то ни было, но даже и этому, послѣ Макарова и Дубасова наиболѣе подготовленному и по своимъ воинскимъ качествамъ выдающемуся изъ рядовъ адмираловъ той эпохи, достигавшихъ высокихъ чиновъ въ рутинномъ порядкѣ ценза, довелось лишь безславно стоять во главѣ Флота Тихаго океана въ дни его гибели.

Незадолго же до войны не только цензъ, но и еще болѣе серьезное и въ то же время роковое для судебъ флота и самой Россіи обстоятельство вынуждало замѣну Скрыдлова другимъ лицомъ.

НАМѢСТНИКЪ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Ввиду назрѣвавшаго на Дальнемъ Востокѣ кризиса и отдаленности вѣроятнаго театра войны отъ центра вполне естественнымъ и цѣлесообразнымъ желаніемъ Государя было имѣтъ тамъ довѣреннаго человѣка, въ рукахъ котораго можно было бы сосредоточить всю власть какъ гражданскую, такъ и военную, близко знакомаго съ политической обстановкой и способнаго въ случаѣ нужды взять на себя руководство военными дѣйствіями. А такъ какъ въ войнѣ съ Японіей морской театръ безспорно являлся рѣшающимъ, то само собой возникала мысль о назначеніи на такой высокій постъ одного изъ адмираловъ, ранѣе командовавшихъ Тихоокеанской эскадрой.

Изъ трехъ возможныхъ кандидатовъ — Макарова, Дубасова и Алексѣева (поведеніе Срыдлова его исключало) первые два, изъ за своихъ прямыхъ и безпокойныхъ (а у Дубасова даже очень рѣзкаго) характеровъ, имѣли немало враговъ въ высшихъ сферахъ Морского Министерства. Единственно Алексѣевъ, какъ было сказано раньше, съумѣлъ не только ла-

дить съ ними, но и показать свои достиженія за время командованія эскадрой въ самой чувствительной области — экономіи въ расходахъ.

Безспорно человѣкъ весьма образованный и умный (быть можетъ даже слишкомъ) Алексѣевъ, находясь въ Главномъ Морскомъ Штабѣ и работая въ его Ученомъ Отдѣлѣ, вѣдавшимъ разработкой плановъ войны, быстро выдвигается на первый планъ и завоевываетъ своими умѣющими внушать довѣріе видомъ и манерами расположеніе Государя, уже подготовленнаго къ этому отзывами Генералъ-Адмирала и Управляющаго Министерствомъ.

И вотъ на него возлагается огромная честь — стать сперва Главноначальствующимъ, а вскорѣ затѣмъ даже и Намѣстникомъ Его Величества на Дальнемъ Востокѣ, съ огромными полномочіями, включавшими даже право дипломатическихъ сношеній съ Японіей черезъ Россійскаго Посла въ Токіо.

При чрезмѣрной властности его характера, не терпящаго никакой инициативы со стороны подчиненныхъ, само по себѣ весьма важное знаніе свойствъ главнаго оружія предстоящей борьбы — флота — становится для послѣдняго крайне вреднымъ. Алексѣевъ, по привычкѣ бывшаго Командующаго эскадрой, продолжаетъ и теперь входить лично во всѣ мелочи ея жизни. Управляя ею съ берега онъ быстро разрушаетъ всякую способность къ принятію какихъ либо самостоятельныхъ рѣшеній въ рядахъ ея командованія.

Смѣнившій Скрыдлова адмиралъ Старкъ, лично человѣтъ высокихъ нравственныхъ качествъ, и обладавшій достаточнымъ морскимъ опытомъ, оказался послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Алексѣева, тяжело расплатившись за это передъ лицомъ исторіи Россіи.

УПАДОКЪ БОЕВОЙ ГОТОВНОСТИ ЭСКАДРЫ.

Такъ удачно сдѣлавъ свою исключительно блестящую карьеру на умѣніи приспосабливаться къ политикѣ Петербурга, Алексѣевъ и теперь продолжаетъ вести свою дѣятельность по тому же курсу.

Численному росту силъ флота противополагается снова экономія въ самыхъ существенныхъ областяхъ его подготовки. Во имя сохраненія механизмовъ вводится вооруженный

резервъ, лишающій флагмановъ и командировъ, постепенно, по мѣрѣ выполненія ценза смѣняющихся, практики эскадреннаго маневрированія. Чтобы не изнашивались каналы орудій, стрѣльбы боевыми снарядами на дистанціяхъ боя сводились до крайняго минимума. Оборудованіе и вооруженіе главной базы флота — Портъ-Артура — растягивается на долгіе годы.

Въ такой обстановкѣ все еще сохранявшееся на эскадрѣ наслѣдіе Макарова, Дубасова и даже Скрыдлова — ея живой духъ — начинаетъ быстро отъ нея отлетать, замѣняясь мертвящей внѣшней формой.

Вспоминается, съ какимъ душевнымъ трепетомъ ожидали мы, юные мичманы отряда адмирала барона Штакельберга, шедшаго въ 1902 году на Дальній Востокъ, вступленія въ ея составъ, слушая разсказы нашихъ старшихъ соплавателей объ ихъ прежднихъ плаваніяхъ на ней. И самъ нашъ добрѣйшій начальникъ отряда, давая распоряженія о предоставленіи при всякой возможности отпусковъ офицерамъ при заходахъ въ порта, вблизи которыхъ имѣлись интересные пункты, оправдывалъ такое баловство ожидающей насъ тяжестью эскадренной службы.

Каково же было разочарованіе, когда, послѣ чисто формальныхъ смотровъ кораблей Начальникомъ эскадры, а затѣмъ и Главноначальствующимъ, по нашемъ приходѣ весной 1903 года въ Портъ-Артуръ мы были поставлены на бочки внутренняго рейда, вымпела кораблей спущены и мы вступили въ резервъ, тянувшійся почти полгода. Время проходило въ учебныхъ тревогахъ для провѣрки давнымъ давно хорошо налаженныхъ судовыхъ расписаній, практикѣ наводчиковъ стрѣльбой пулями изъ орудій и, больше всего, въ палубныхъ занятіяхъ и несеніи якорныхъ вахтъ.

Внѣшній порядокъ корабельной службы поддерживался, согласно Морскому Уставу, на высотѣ, но за всѣмъ этимъ внѣшнимъ порядкомъ невольно отступало не только серьезное пониманіе, но даже простое ощущеніе личнымъ составомъ текущихъ политическихъ событій. По мѣрѣ затягиванія кризиса все болѣе ослабѣвало то напряженное ожиданіе войны, которое еще такъ недавно влекло въ Тихій океанъ не только безразсудную горячую юность, но и всѣхъ лучшихъ офицеровъ флота.

Со стороны высшаго начальства не принималось такъ же никакихъ мѣръ, чтобы, пользуясь большимъ досугомъ, поднимать теоритическія познанія въ военно-морскомъ дѣлѣ или, хотя бы, просто техническое образованіе молодыхъ офицеровъ.

Насколько помню, такая мѣра была предпринята только одинъ разъ въ 1903 году, когда мы, младшіе штурманскіе офицеры большихъ кораблей, были командированы на отрядъ эскадренныхъ миноносцевъ, посланный въ Корейскія шхеры для изученія фарватеровъ и плаванія по нимъ съ помощью атласа лейтенанта Лепко отъ Фузана до Чемульпо. Это двухнедѣльное плаваніе было не только для насъ, но и почти для всѣхъ командировъ миноносцевъ, недавно пришедшихъ изъ Балтики, единственнымъ случаемъ заглянуть въ предполагаемый районъ ихъ активныхъ дѣйствій въ случаѣ войны. И, несмотря на его краткость, оно настолько подготовило нѣсколько миноносныхъ штурмановъ, что ихъ охотно брали къ себѣ командиры послѣднихъ. Оно сыграло огромную роль и въ моей личной судьбѣ, когда, уже во время войны, я, по просьбѣ командира эск. м-ца „Боевой" лейтенанта Елисѣева, былъ переведенъ съ крейсера „Діана" къ нему, совмѣщая обязанности штурмана и флагъ-офицера 1-го Отряда эскадренныхъ миноносцевъ, на которыхъ и прошла большая часть моей службы въ осажденномъ Портъ-Артурѣ.*) Послѣдовавшія же въ этотъ періодъ мои случайныя встрѣчи съ лейтенантомъ А. И. Непенинымъ, вплетясь въ цѣпь другихъ событій моей жизни, завершились черезъ восемь лѣтъ тѣснымъ сотрудничествомъ съ нимъ въ Балтійскомъ морѣ до самой трагической его кончины.

Маневры осенью 1903 года, совпавшіе съ обостреніемъ политическаго положенія, вывели было на время эскадру изъ этого состоянія зимней спячки, но наступившее успокоеніе вновь погрузило ее въ нее.

Можно ли удивляться, что въ такой обстановкѣ не только угасалъ энтузіазмъ военныхъ настроеній, но даже и простой интересъ къ службѣ въ широкихъ кругахъ офицерства уступалъ мѣсто легкомысленному убиванію свободнаго вре-

---

*) Б. Дудоровъ — „На минномъ катерѣ" — „Портъ Артуръ". Изд. имени Чехова.

мени въ циркѣ и угарномъ кафе-шантанѣ, составлявшихъ единственные постоянные рессурсы развлеченія. Особенно вредно отражалось это на неустойчивой части молодежи. Лишь немногіе изъ ея рядовъ разумно проводили вечера за серьезнымъ чтеніемъ или подготовкой къ экзаменамъ въ спеціальные офицерскіе классы по возвращеніи своемъ въ Балтику.

ВЪ ШАНХАѢ.

„Парижъ Востока" — Шанхай — еще долго послѣ ликвидаціи Боксерскихъ событій продолжалъ быть центромъ международной политической жизни, въ которой не малую роль, естественно, играли представители флотовъ всѣхъ странъ, такъ или иначе заинтересованныхъ во все болѣе выясняющемся соревнованіи Россіи, Японіи и, за ихъ спиною, Англіи въ господствѣ на Тихомъ океанѣ.

На долю командира русскаго стаціонера маленькой канонерки „Манджуръ" ложилась поэтому весьма серьезная задача наблюденія за передвиженіями иностранныхъ военныхъ судовъ, за настроеніями среди ихъ команднаго состава, какъ изъ личныхъ наблюденій такъ и изъ сношеній съ командирами стаціонеровъ дружественныхъ націй и изъ агентурныхъ источниковъ, изъ которыхъ главнымъ на всемъ Дальнемъ Востокѣ являлся торговый домъ посавщика нашего флота — Гинсбурга.

Слѣдуетъ признать, что выборъ командировъ „Манджура" въ этомъ отношеніи былъ весьма продуманнымъ и отвѣчающимъ требованіямъ момента.

Какъ капитанъ 2-го ранга Эбергардтъ, такъ и смѣнившій его капитанъ 2-го ранга Кроунъ, оба были высоко образованными и свѣтски воспитанными людьми, прекрасно говорящими на нѣсколькихъ языкахъ, имѣвшими опытъ въ сношеніяхъ съ иностранцами, а потому обладающими всѣми данными для достойнаго представительства Россіи въ интернаціональной обстановкѣ Шанхая.

Находясь въ отдѣльномъ плаваніи „Манджуръ" не съ такой остротой переживаетъ происходящія на эскадрѣ перемѣны настроеній. И сама обстановка Шанхая все еще вѣетъ духомъ только что пронесшихся событій. Съ неменьшей гор-

достью несетъ лодка недавно вновь овѣянный пороховымъ дымомъ Андреевскій флагъ, чѣмъ стоящій тутъ же на рейдѣ представитель Владычицы Морей — Великобританіи. На нее устремлены взгляды не только стоящихъ тутъ стаціонеровъ, но и безпрестанно смѣняющихся кораблей всѣхъ націй, заходящихъ сюда въ связи съ эвакуаціей войскъ интервентовъ изъ Китая. Все это предъявляетъ высокія требованія и къ каждому изъ ея офицеровъ.

Въ частности должность ревизора корабля, совмѣщавшая въ себѣ обязанности помощника командира по хозяйственной и денежной части, съ исполненіемъ работы его личнаго адъютанта въ общеканцелярской области, ставила занимающаго ее офицера въ ближайшее, послѣ старшаго офицера корабля, соприкосновеніе съ послѣднимъ и потому естественно, что онъ подвергался въ высшей мѣрѣ нравственному и умственному его вліянію.

Въ этомъ отношеніи молодой лейтенантъ Непенинъ, служа ревизоромъ „Манджура" при Эбергардтѣ и Кроунѣ, находился въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ.

Какъ уже было сказано раньше, нѣкоторые изъ соплавателей его по „Манджуру" отзывались о немъ скорѣе неодобрительно, считая его, не безъ основанія, человѣкомъ несерьезнымъ. Дѣйствительно, въ первые годы своей службы на Дальнемъ Востокѣ и даже плаванія на лодкѣ онъ, все еще полный жажды жизни, широко отдаетъ дань буйной молодости.

Объ этомъ свидѣтельствовалъ онъ самъ, вспоминая о тѣхъ дняхъ своей жизни. Такъ, разсказывая о своемъ вѣстовомъ на „Манджурѣ", ходившимъ за „своимъ бариномъ" какъ нянька, онъ говорилъ: „пріѣдешь послѣ кутежа на корабль, ляжешь спать, а утромъ онъ будитъ. Я его гоню, а онъ будитъ. Я ему кричу — убирайся к черту, голова болитъ. А онъ ходитъ вокругъ и ворчитъ: я же тебѣ говорилъ — не кути. Нѣтъ, кутитъ, да еще ругается. Вотъ и голова болить. Потомъ принесетъ что-нибудь: — на выпей, опохмелись, легче будетъ".*)

И еще: „молода была, глупа была.... продалъ березовую рощу... значитъ мало пороли меня въ дѣтствѣ". **)

---

*) О. В. Непенина. Письмо 7-7-55.

**) В. П. Орловъ. Письмо 7-11-55.

Ясно — любилъ онъ провернуть, кутнуть во всю свою широкую русскую натуру. И случалось это нерѣдко. Даже морского заграничнаго содержанія, выдававшагося по золотому курсу рубля въ полуторномъ размѣрѣ, видимо не хватало. Пришлось тронуть и часть оставленнаго отцомъ наслѣдства, въ чемъ потомъ до конца жизни каялся.

Да, это легкомысліе молодости. Но развѣ его можно, по справедливости назвать несерьезностью ума? Разумѣется нѣтъ.

Пришли Боксерскія событія. Запахло войной. И все легкомысліе — какъ вѣтромъ сдуваетъ.

Озираясь незадолго до своей смерти на пройденный имъ жизненный путь, Непенинъ, тогда уже весьма строгій не только въ отношеніи требованій къ подчиненнымъ, но еще болѣе къ самому себѣ, такъ расцѣнивалъ со свойственной ему красочностью лаконическаго языка личное отношеніе къ своей службѣ на Дальнемъ Востокѣ: „первые три года я билъ баклуши, а потомъ началъ служить и всю жизнь свою положилъ на служеніе".*)

Первые три года — съ 1898 по 1901 — это какъ разъ періодъ до Боксерскаго возстанія. Не трудно поэтому заключить, что не одно лишь повышеніе возраста производитъ въ немъ такое внутреннее созрѣваніе. Толчекъ къ нему несомнѣнно даютъ именно эти внѣшнія причины. Наблюдательный умъ, расцѣнивая событія, дѣлаетъ соотвѣтствующіе выводы и заставляетъ его пересмотрѣть и свое личное поведеніе въ отношеніи службы.

Уже и до того, повидимому, при всемъ своемъ легкомысліи, добросовѣстно относившійся къ своимъ обязанностямъ ревизора корабля — иначе какъ бы могло случиться, что онъ остается въ этой отвѣтственной должности при двухъ командирахъ — Непенинъ усердно и тщательно изучаетъ теперь судовое хозяйство. Неподготовленность морскихъ офицеровъ въ этой области со школьной скамьи нерѣдко приводила къ тому, что молодые ревизоры становились въ полную зависимость отъ слишкомъ искушенныхъ въ практикѣ этой службы баталеровъ и подшхиперовъ, умудрявшихся поэтому обзаводиться собственными домиками въ портовыхъ мор-

*) О. В. Непенина. Письмо 31-10-55.

скихъ слободкахъ несмотря на свое скудное казенное содержаніе.

Если первый его командиръ — Эбергардтъ — по своей широкой натурѣ большого барина (разсказывали, будто въ бытность свою Морскимъ Агентомъ въ Константинополѣ онъ не признавалъ хотя бы только разъ вымытой крахмальной рубашки) едва ли могъ руководить имъ въ этой области, то кап. 2го ранга Кроунъ со своей стороны несомнѣнно былъ къ этому вполнѣ подходящимъ лицомъ.

Пріобрѣтенныя имъ познанія въ положеніяхъ о снабженіи судовъ, составленіи требовательныхъ и дефектныхъ вѣдомостей, веденіи денежной и матерьяльной отчетности, опытъ примѣненія ихъ на практикѣ и веденіе всей дѣловой судовой хозяйственной и общей переписки ясно сказались уже съ первыхъ шаговъ его послѣвоенной службы въ Балтійскомъ морѣ. Принимая въ 1908 году командованіе Восьмымъ Дивизіономъ (газолиновыя миноноски) Непенинъ входитъ въ мельчайшія детали его матерьяльной части.

„Пошелъ вещевой дефектъ" вспоминаетъ по этому поводу инженеръ-механикъ дивизіона.*) „И здѣсь съ нимъ было тяжело — прямо старый подшхиперъ".

Когда же на его плечи легла огромная организаціонная работа по созданію Службы Связи, требовавшая выработки положеній не только о довольствіи командъ, но и по строительству, оборудованію и снабженію ея постовъ, радіостанцій и снабжающихъ центровъ ея районовъ, то его авторитетъ по всѣмъ этимъ вопросамъ безспорно признавался во всѣхъ центральныхъ учрежденіяхъ Морского Вѣдомства, не исключая самой, вѣдавшей всѣмъ его законодательствомъ, Канцеляріи Министерства съ ея крайне ревнимымъ къ своимъ прерогативамъ главой — Тайнымъ Совѣтникомъ Радковичемъ. Благодаря этому всѣ предлагавшіяся имъ мѣропріятія, уже заблаговременно облеченныя имъ въ соотвѣтствующую форму, проводились тамъ съ быстротой, изумлявшей самихъ чиновъ этихъ послѣднихъ, привыкшихъ къ канцелярской волокитѣ.

Помимо своихъ прямыхъ служебныхъ обязанностей Непенинъ не теряетъ и весьма серьезнаго интереса къ русской

---

*) В. П. Орловъ — Письмо 5-5-1955.

литературѣ, зародившагося, какъ было сказано, еще въ стѣнахъ Морского Училища. Доказательствомъ этому можетъ служить, хотя бы, слѣдующій эпизодъ, разсказанный однимъ изъ свидѣтелей.*)

„Въ 1903 году я его увидѣлъ въ „Асторъ-Хаузъ" въ Шанхаѣ..." говоритъ онъ. „Сидѣли Гревеницъ, Вердеревскій и я. Адріанъ Ивановичъ подсѣлъ къ намъ... Подошелъ Романъ Бойль и повернулъ разговоръ на литературу. Я былъ удивленъ начитанностью и знаніями въ этой области А. И. Непенина".

Гревеницъ и Бойль — оба представители наиболѣе культурно развитого и широко образованнаго слоя офицеровъ флота — въ бесѣдѣ съ Непенинымъ на литературныя темы, достаточное доказательство, серьезности склада ума послѣдняго, способнаго выходить и за узкій горизонтъ корабельной службы.

Остается еще коснуться ранѣе упомянутаго обвиненія Непенина нѣкоторыми изъ соплавателей по „Манджуру" въ снобизмѣ, достаточно серьезнаго для правильной оцѣнки всей его фигуры.

Словомъ „снобъ" англійскій языкъ точно опредѣляетъ того, кто единственнымъ критеріемъ достоинства человѣка признаетъ его происхожденіе или богатство, раболѣпствуетъ передъ высшими и надмѣненъ съ нисшими его по положенію или же вульгарно претендуетъ на свое благородство. **)

Ни въ какомъ отношеніи такая характеристика къ Непенину никогда не была приложима. Не только передъ титулами и общественнымъ положеніемъ лицъ, но даже, нерѣдко, и передъ высшимъ своимъ начальствомъ, Непенинъ никогда не раболѣпствовалъ, но, случалось, расходясь съ послѣднимъ въ дѣлахъ, касавшихся пользы службы, позволялъ себѣ даже вступать въ пререканія въ весьма рѣзкой формѣ. Недаромъ самъ Морской Министръ Генералъ-Адьютантъ адмиралъ Григоровичъ, въ отвѣтъ на просьбу Коменданта Морской Крѣпости Императора Петра Великаго вице-адмирала Герасимова о назначеніи Непенина Начальникомъ береговой обороны крѣпости, предупредилъ послѣдняго, что ему нелегко будетъ имѣть дѣло съ такимъ подчиненнымъ. „Вы знаете, что онъ

---

*) В. П. Орловъ — Письмо 5-5-1955.

**) Толковый словарь Англ. языка. „Фанкъ и Вогналъ".

даже мнѣ дерзилъ?", замѣтилъ онъ съ усмѣшкой. Григоровичъ былъ выше того, чтобы это обстоятельство помѣшало бы продвиженію офицера, способности и труды котораго онъ имѣлъ случай оцѣнить самъ. При другомъ министрѣ карьера дерзкаго была бы навѣрно загублена.

Вспыльчивый и, весьма несдержанный по натурѣ, Непенинъ нерѣдко переходилъ границы приличествующаго отношенія къ подчиненнымъ ему офицерамъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда провинившійся въ чемъ либо начиналъ изворачиваться и уклоняться отъ истины. Всякую ложь онъ органически не выносилъ. Несмотря на это почти никто изъ подвергшихся такому выраженію его гнѣва не сохранялъ въ сердцѣ своемъ какой либо злобы противъ него, какъ и онъ самъ тоже не имѣлъ ея къ провинившемуся. При этомъ его гнѣвъ весьма рѣдко обрушивался на нижнихъ чиновъ. Съ одной стороны онъ принципіально считалъ, что за проступки подчиненныхъ долженъ прежде всего отвѣчать ихъ непосредственный начальникъ, съ другой — его останавливало то безотвѣтное пріятіе начальническаго гнѣва, которое было такъ характерно для русскаго матроса того времени. Практиковавшееся же до Японской войны среди нѣкоторой части офицерства рукоприкладство органически претило его натурѣ.

Ко всему этому, если, почему либо, онъ находилъ впослѣдствіи,что подвергшійся вспышкѣ его гнѣва не только не былъ виновенъ, но даже имѣлъ хотя бы только нѣкоторыя основанія поступить такъ, какъ онъ это сдѣлалъ, то самъ онъ до тѣхъ поръ не успокаивался, пока какимъ нибудь вниманіемъ къ обиженному не сглаживалъ своего поступка.

Какъ все это было далеко отъ оскорбительныхъ формъ подлиннаго снобизма, столь мало вообще свойственнаго русскому человѣку.

Вѣрнѣе всего поэтому думать, что его „снобизмъ" выражался скорѣе во франтовствѣ одежды, широтѣ кутежей и въ той общей щедрости, которыя правильнѣе всего было бы назвать русскимъ барствомъ, черты котораго имъ несомнѣнно были унаслѣдованы отъ отца и сохранялись въ немъ всю жизнь.

Во всякомъ случаѣ среди своихъ соплавателей по канонеркѣ Непенинъ пользуется товарищеской любов:ю. Объ этомъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, поднесенные ему

отъ каютъ-компанiи подарки — черепаховый портсигаръ съ золотыми автографами*) и уже упомянутая раньше двустволка.

По всему видимо именно во время плаванiя на „Манджурѣ" за нимъ укрѣпляется такъ же не только среди офицеровъ, но и между матросами прозвище по его христiанскому имени. Не по имени-отчеству, не по чину съ фамилiей, а интимно-ласково зовутъ его всѣ между собою просто „АДРIАНОМЪ".

Мы знаемъ, что тѣхъ, кого матросы очень уважали, да и то людей лишь въ немолодомъ возрастѣ, они иногда звали по имени-отчеству. Особо любимымъ давали ласковыя прозвища. Такъ Макаровъ былъ для нихъ и „Степанъ Осиповичъ" и „Дѣдушка".

А, вотъ, чтобы офицеръ ходилъ между ними просто подъ его именемъ, какъ братъ, какъ свой человѣкъ — лично я больше нигдѣ не встрѣчалъ.

За Непенинымъ же это любовно-дружеское имя сохраняется во всѣ дни его жизни, даже подъ флагомъ Командующаго Флотомъ.

ГРОМЪ ГРЯНУЛЪ.

Какъ ни затруднительно было положенiе, въ которомъ былъ поставленъ Намѣстникъ политическими колебанiями Петербурга, стѣснявшими всякую инициативу съ его стороны, все же ничѣмъ нельзя было оправдать то положенiе, въ которое были поставлены подчиненныя ему морскiя силы уже прямымъ ихъ стратегическимъ развертыванiемъ. Въ этомъ отношенiи никто кромѣ него, даже Командующiй Эскадрой, не могъ имѣть рѣшающаго слова.

Въ самомъ дѣлѣ: — раздѣленiе послѣдней на двѣ группы — Портъ-Артурское ядро и Владивостокскiй крейсерскiй отрядъ — явно руководились вовсе не стратегическими планами, а исключительно вопросами хозяйственнаго порядка, изъ которыхъ главную роль играла возможность обслуживанiя ихъ ремонтныхъ нуждъ средствами Владивостокскаго порта.

---

*) Сохраняется у О. В. Непениной. Среди подписей имена: Крашенинникова, Драхенфельса, М. Петрова, Нордмана, Колюбакина и др.

Блестящія крейсерскія операціи этого отряда на коммуникаціонныхъ путяхъ Японскаго моря и даже на торговыхъ — въ океанѣ, вынуждавшія адмирала Того, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, раздѣлять свои силы, и, въ извѣстной мѣрѣ способствовавшія поддержанію вѣры Русскаго народа въ свой флотъ, конечно не входили въ основной планъ войны и явились лишь слѣдствіемъ создавшагося положенія.

Доказательствомъ этого являются, прежде всего октябрьскіе маневры 1903 года когда Алексѣевъ, по всему видимо, дѣйствительно ожидалъ внезапнаго начала враждебныхъ дѣйствій со стороны японцевъ и какъ будто допускалъ даже возможность отдѣльнаго удара безъ объявленія войны.

Первыми принятыми тогда мѣрами были: высылка легкихъ крейсеровъ эскадры изъ Портъ-Артура въ Таліенванскую бухту и приказаніе Владивостокскому отряду присоединиться къ эскадрѣ.

Будучи младшимъ штурманомъ крейсера „Діана", посланнаго въ первую линію, я хорошо помню содержаніе инструкцій Командующаго эскадрой, содержавшихся въ распечатанномъ при мнѣ по приходѣ на данную позицію секретномъ пакетѣ.

Намъ приказывалось, крейсеруя на подходахъ къ Чемульпо, слѣдить за движеніемъ японскихъ военныхъ судовъ и транспортовъ въ направленіи къ этому пункту. Въ случаѣ появленія транспортовъ съ войсками по возможности атаковать ихъ, не допуская высадки дессанта. Если же таковые будутъ конвоироваться превосходными силами японскаго флота то, наблюдая за послѣдними, доносить о ихъ движеніяхъ и отходить въ Таліенванъ.

Какъ видно изъ этого, инициатива враждебныхъ дѣйствій, хотя бы только ввидѣ высадки войскъ въ центральной Кореѣ, и тогда всецѣло предоставлялась Японіи, такъ какъ, само-собой разумѣется, эта операція никогда не была бы предпринята ею безъ соотвѣтствующаго прикрытія флотомъ. Все же такой вызовъ съ ея стороны означалъ бы начало боевыхъ дѣйствій со стороны нашей эскадры.*)

---

*) Смотри такъ же очеркъ Б. И. Бокъ — „Завтракъ у Намѣстника" „Портъ-Артуръ". Изд. имени Чехова.

Тотъ фактъ, что Владивостокскій отрядъ крейсеровъ тогда присоединился къ эскадрѣ лишь послѣ благополучнаго разрѣшанія кризиса, долженъ былъ, казалось бы, выяснить опасность такого раздѣленія эскадры. Однако, вслѣдъ за окончаніемъ маневровъ отрядъ снова возвращается во Владивостокъ, гдѣ и вынужденъ былъ оставаться во все время войны.

Помимо этого раздѣленія главныхъ силъ еще и отдѣльные корабли также оказываются разбросанными по иностраннымъ портамъ.

Конечно, нахожденіе стаціонеровъ въ такихъ важныхъ пунктахъ какъ Чемульпо, Шанхай, Чифу и Инкоу могло быть весьма полезно съ точки зрѣнія агентурнаго наблюденія, при должномъ вниманіи къ донесеніямъ ихъ командировъ. Все же, казалось бы, слѣдовало подумать о судьбѣ тѣхъ изъ нихъ, которые должны были оказаться въ крайне тяжеломъ положеніи въ случаѣ объявленія войны даже съ соблюденіемъ всѣхъ международныхъ традицій того времени.

Въ частности оставленіе въ Чемульпо крейсера „Варягъ" лишало эскадру цѣннаго развѣдчика, каковыхъ у нее вообще не хватало. Если бы онъ находился въ крейсерствѣ вблизи этого порта, то это было бы въ высшей степени цѣлесообразно. Стоя же на рейдѣ, имѣющемъ единственный узкій плохо обставленный навигаціонными знаками и крайне трудный вслѣдствіе стремительныхъ приливо-отливныхъ теченій для плаванія въ ночное время фарватеръ, „Варягъ" подвергался опасности стать жертвою тѣхъ самыхъ силъ Японскаго флота, которыя, по предположенію нашего командованія во время все тѣхъ же недавнихъ маневровъ, должны были конвоировать ожидавшійся дессантъ. Помѣшать же высадкѣ силой онъ, разумѣется, не могъ.

Для поддержанія же связи съ нашимъ посланникомъ въ Сеулѣ и со стаціонерами нейтральныхъ державъ, а такъ же и для наблюденія за дѣятельностью японцевъ въ порту было вполнѣ достаточно канонерской лодки „Кореецъ", потеря которой не ослабляла силъ эскадры ни въ какой мѣрѣ.

Что касается пребыванія „Манджура" въ Шанхаѣ, то едва ли польза стоянки его тамъ до послѣдняго момента оправдывалась тѣмъ тяжелымъ положеніемъ, въ которомъ лодка могла очутиться, будучи отрѣзана отъ своихъ портовъ. Находясь же въ Портъ-Артурѣ она весьма пригодилась бы для охраны

побережья Квантунгскаго полуострова, какъ показало потомъ участіе кан. лодки „Бобръ" въ бояхъ за Кинчжоусскія позиціи.

Наиболѣе вѣроятнымъ объясненіемъ того, что въ самый критическій моментъ всѣ стаціонеры были оставлены на мѣстахъ, можетъ служить случай съ учебнымъ судномъ „Забіака", служившимъ до того яхтой Намѣстника, посланнымъ въ качествѣ стаціонера въ Чифу для связи съ нашимъ консульствомъ, наблюдавшимъ за кишѣвшими тамъ японскими агентами.*)

Получивъ отъ не пожелавшаго назвать себя англичанина еще дней за десять до минной аттаки японцевъ на эскадру свѣдѣнія о планахъ японцевъ начать войну внезапнымъ нападеніемъ, командиръ „Забіяки" кап. 2 р. Лебедевъ счелъ своимъ долгомъ лично доложить объ этомъ Намѣстнику и срочно снявшись съ якоря пришелъ въ Портъ-Артуръ. Однако, по свидѣтельству очевидца, Алексѣевъ не только не отнесся съ должнымъ вниманіемъ къ этому докладу, но даже весьма нервно и рѣзко разнесъ Лебедева за самовольный приходъ, обвинивъ его въ томъ, что этимъ онъ разводилъ „панику".

Невольно возникаетъ вопросъ: — на кого именно поступокъ командира „Забіяки" могъ произвести паническое впечатлѣніе?

Ни въ морскихъ, ни въ военныхъ кругахъ, ни, тѣмъ болѣе, среди русскаго гражданскаго населенія крѣпости приходъ „Забіяки" не могъ обратить на себя какого либо особеннаго вниманія. Возможно, конечно, что японскіе агенты, которыхъ въ числѣ японскаго и китайскаго элемента города было немало, могли заинтересоваться этимъ фактомъ. Сообщенія о передвиженіи иностранныхъ военныхъ судовъ обычно составляетъ рутину работы мелкихъ агентовъ развѣдки. Тѣмъ болѣе это должно было имѣть мѣсто въ Портъ-Артурѣ. Въ напряженныхъ условіяхъ момента всякое движеніе судовъ Русскаго флота могло служить мотивомъ подозрительнаго отношенія японскаго морского командованія.

---

*) Воспоминанія Р. П. Зотова. Очеркъ Д-ра Кефели „Таинственныя Предупрежденія" „Портъ-Артуръ". Воспоминанія участниковъ. О работѣ консульства см. „Въ Чифу въ дни войны" Никитина (Фокагитова). Тамъ же.

Вотъ въ этомъ и могла быть единственная причина нервности и недовольства Намѣстника, котораго это донесеніе ставило въ еще болѣе трудное положеніе передъ лицомъ инструкцій изъ Петербурга избѣгать всего, что могло бы спровоцировать Японію на войну въ то время, когда Русское правительство все еще цѣплялось за надежду мирнаго разрѣшенія конфликта о Кореѣ безъ радикальныхъ уступокъ со своей стороны.

Донесенія Морского Агента въ Токіо капитана 2-го ранга А. И. Русина о лихорадочныхъ приготовленіяхъ Японіи, фактически достигавшихъ размѣровъ мобилизаціи ея морскихъ и сухопутныхъ силъ, вмѣстѣ съ открыто производившейся эвакуаціей японскаго населенія изъ русскихъ областей ясно говорили, что со всей стороны японцы не только не пытались скрывать своихъ враждебныхъ намѣреній, но, какъ будто даже нарочно, ихъ афишировали.

Поэтому докладъ командира „Забіяки", не внося ничего по существу, лишь уточнялъ предполагавшійся японскимъ командованіемъ методъ приведенія ихъ въ исполненіе, и Алексѣевъ не могъ не сознавать всю его правдоподобность.

Разъ признавъ ее, онъ неизбѣжно долженъ былъ сдѣлать и выводъ о необходимости принятія тѣхъ же предохранительныхъ мѣръ, которыя примѣнялись и во время маневровъ. Весь его собственный опытъ это подсказывалъ. Однако сознаніе этого, очевидно, пересиливалъ страхъ отвѣтственности за возможныя послѣдствія такого нарушенія имъ инструкцій парализовавшій волю.

Вотъ эта то внутренняя борьба и должна была вызывать въ немъ самомъ ту подсознательную панику, преодолѣвая которую онъ закрывалъ глаза на факты и, защищаясь отъ самого себя, такъ несправедливо и жестоко набросился на Лебедева. Ею одной возможно объяснить и то, что „Варягъ" (а вѣроятно и „Кореецъ") былъ обреченъ на смерть только красота которой оправдала въ глазахъ какъ русскаго народа, такъ и всего міра эту ненужную жертву.

Вѣроятно по той же причинѣ была оставлена безъ спеціальныхъ, на случай внезапнаго начала военныхъ дѣйствій, инструкцій и стоявшая на Вузунгскомъ рейдѣ канонерская лодка „Манджуръ".

* * *

Читающій настоящія строки вправѣ упрекнуть меня за то, что я, быть можетъ позволяю себѣ слишкомъ злоупотреблять спекуляціями въ области психологіи нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ пролога трагедіи Японской войны, не имѣя на то вполнѣ безупречныхъ историческихъ документовъ.

Въ оправданіе свое могу лишь сказать во-первыхъ, что, въ условіяхъ настоящей работы, приходится вообще руководиться больше воспоминаніями и впечатлѣніями какъ личными, такъ и другихъ участниковъ событій, нежели архивными данными. Во-вторыхъ вполнѣ объективныхъ данныхъ въ подобныхъ вопросахъ вообще почти никогда не бываетъ. Даже собственноручныя письма, не говоря уже о мемуарахъ, (которыя, по мѣткому выраженію Теффи, обычно пишутся или для возвеличенія ихъ авторами самихъ себя или для посрамленія своихъ противниковъ) неизбѣжно носятъ субъективный характеръ.

Въ частности, характерное для всей карьеры Алексѣева уклоненіе отъ личной отвѣтственности ярко рисуется, напримѣръ, изъ донесенія его Государю о гибели „Петропавловска", въ которомъ онъ бросилъ упрекъ Макарову въ „порывистости характера", приведшей къ катастрофѣ.

Но если я въ чемъ либо и ошибаюсь, то во всякомъ случаѣ такія ошибки ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть результатомъ одного изъ мотивовъ, указанныхъ Теффи, по той простой причинѣ, что по моему малому въ то время мичманскому чину всѣ мои личныя отношенія съ Намѣстникомъ свелись къ единственному разу „провожанія глазами" его дѣйствительно импозантной фигуры во время сдѣланнаго имъ крейсеру смотра.

* * *

Едва телеграфъ разнесъ по всему міру эхо орудійныхъ выстрѣловъ на рейдѣ Портъ-Артура и у Чемульпо, какъ для командира „Манджура" всталъ не предусмотрѣнный никакими инструкціями вопросъ: какъ поступить со ввѣреннымъ ему кораблемъ.

Всякая возможность прорыва въ Портъ-Артуръ или Владивостокъ для тихоходной, хотя и носившей громкій титулъ „мореходной" канонерской лодки совершенно исключалась.

Печальный опытъ „Варяга" и „Корейца" выявилъ такъ же, что нахожденіе въ нейтральномъ порту ни въ малѣйшей

степени не давало надежды на хотя бы воспрепятствованіе угрозѣ японцевъ атаковать лодку на рейдѣ со стороны стоявшихъ тамъ же нейтральныхъ военныхъ судовъ. Напротивъ — опасность, грозившая въ этомъ случаѣ торговымъ судамъ и иностраннымъ сэттльментамъ Шанхая, побуждала консульскій корпусъ требовать ея устраненія со стороны командира лодки.

Выходъ въ море, неизбѣжно ведшій къ бою съ готовыми къ этому силами вспомогательныхъ судовъ врага, которыя, пользуясь несоизмѣримымъ превосходствомъ во всѣхъ рѣшительно боевыхъ элементахъ — численности, вооруженіи и ходѣ, уничтожили бы лодку безъ малѣйшихъ потерь для себя — означалъ бы лишь безплодную гибель всего личнаго ея состава или, въ лучшемъ случаѣ, плѣненіе всѣхъ спасшихся после ея потопленія.

О сдачѣ „Манджура" врагу для Кроуна не могло быть даже и помысла.

Тяжелое моральное положеніе его было вскорѣ разрѣшено приказаніемъ Главнокомандующаго Вооруженными Силами на Дальнемъ Востокѣ, каковымъ назначается адмиралъ Алексѣевъ, разоружить лодку и интернироваться въ Шанхаѣ, что означало передачу ея подъ охрану Китая, а для ея личнаго состава отказъ отъ участія въ войнѣ подъ отвѣтственностью правительства послѣдняго.

Въ грандіозности быстро развертывавшихся военныхъ событій этотъ небольшой инцидентъ, не имѣвшій мѣста въ исторіи Русскаго флота со временъ передачи эскадры адмирала Сенявина въ Лиссабонѣ англичанамъ, прошелъ незамѣченнымъ. Но въ тотъ моментъ онъ несомнѣнно долженъ былъ произвести крайне тяжелое впечатлѣніе на весь личный составъ „Манджура".

Въ самомъ дѣлѣ, если въ Лиссабонѣ корабли, по своему физическому состоянію непригодные для перехода въ свои собственные порта, согласно договора съ Англійскимъ правительствомъ, сдавались на храненіе подъ отвѣтственность послѣдняго за сохранность ихъ матерьяльной части, которое впослѣдствіи и уплатило за нихъ Россіи ихъ полную стоимость, то это являлось лишь своего рода выгодной политической сдѣлкой. Весь личный составъ эскадры средствами той же Англіи переправлялся въ Россію, унося съ собою и

спущенные съ должной церемоніей флаги своихъ судовъ. Души кораблей съ нихъ отлетали оставляя за собою лишь полусгнившіе корпуса.

Въ Шанхаѣ Русскій военный корабль подъ Андреевскимъ флагомъ со всѣмъ своимъ личнымъ составомъ былъ, къ вящему униженію послѣдняго, вынужденъ стать подъ защиту нейтралитета той самой страны, въ которой еще такъ недавно онъ самъ наводилъ внутренній ея порядокъ и къ народу, который привыкъ относиться какъ къ низшей расѣ. Національная гордость и личное самолюбіе каждаго въ высокой степени страдали какъ передъ лицомъ послѣдняго, такъ и предъ представителями западныхъ націй, среди которыхъ за долгую стоянку въ порту завелось немало друзей и знакомыхъ.

Но самымъ невыносимымъ для каждаго офицера было, разумѣется, сознаніе своей обреченности на невозможность принять личное участіе въ войнѣ, грозившей, какъ показали первые успѣхи японцевъ на морѣ, стать тяжелой и затяжной, а потому особенно требовавшей примѣненія силъ всѣхъ, кто только могъ быть полезенъ въ предстоящей борьбѣ.

Поэтому вполнѣ понятно было стремленіе всѣхъ ихъ, во главѣ съ комадиромъ лодки, вырваться изъ Шанхая и связаннаго съ нимъ положенія интернированныхъ.. Однако, при небольшомъ числѣ офицеровъ, это могло быть возможнымъ лишь немногимъ. Большинство же, по необходимости,, должно было оставаться на лодкѣ для наблюденія за командой и обслуживанія ея нуждъ, для охраны матерьяльной части и имущества и т. п. требованій корабельной жизни.

Командиръ „Манджура" капитанъ 2 ранга Кроунъ принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы получить разрѣшеніе на присоединеніе къ дѣйствующему флоту какъ лично для самого себя, такъ и для тѣхъ изъ офицеровъ, которыхъ было бы возможно освободить отъ службы на лодкѣ.

Добившись согласія Штаба, онъ сдаетъ командованіе кораблемъ Старшему Офицеру и, взявъ съ собою своего ревизора лейтенанта Непенина, 20-го февраля ст. ст.*), выѣзжаетъ изъ Шанхая, пробираясь сухимъ путемъ черезъ Китай въ Портъ-Артуръ.

---

*) Выписка о плаваніяхъ лейт. Непенина.

Благопріятное отношеніе въ началѣ войны со стороны Китайскихъ властей, еще не забывшихъ недавней войны съ Японіей, къ Россіи очевидно способствовало успѣху этого предпріятія, и оба офицера безъ какихъ либо приключеній и задержекъ благополучно достигають цѣли какъ разъ въ то время, когда прибытіе новаго Командующаго Флотомъ адмирала С. О. Макарова возрождаетъ подавленный трагическими событіями первыхъ дней войны духъ всего личнаго состава.*)

* * *

Оглядываясь на первые двѣнадцать лѣтъ службы Непенина, нетрудно сдѣлать нѣкоторые выводы, характеризующіе его какъ молодого офицера.

Прежде всего можно опредѣленно сказать, что въ тотъ періодъ онъ по существу ничѣмъ не выдѣлялся изъ рядовъ своихъ сверстниковъ. Отдавая дань живой натурѣ и легкомысленной молодости, онъ не проявляетъ какого либо особаго интереса ни къ теоріи, ни даже къ техникѣ того оружія, съ которымъ ему въ недалекомъ будущемъ предстояло итти въ грозный бой.

Такъ, изучивъ на практикѣ учебно-миннаго отряда стрѣльбу минами, онъ не стремится къ естественному дальнѣйшему усовершенствованію въ минномъ дѣлѣ и не поступаетъ въ Офицерскій Минный Классъ, хотя это дало бы ему возможность даже попасть въ Балтійское море.

Не приходитъ онъ и спеціальнаго стажа штурманскаго дѣла, довольствуясь скромными познаніями въ этой основной отрасли морской службы, вынесенными изъ Корпуса, и практикой вахтеннаго начальника.

Когда же, наконецъ, Боксерскія событія заставляютъ его задуматься надъ самимъ собою и онъ „перестаетъ бить баклу-

*) В. П. Шмиттъ въ своемъ очеркѣ „Адмиралъ С. О. Макаровъ въ Портъ-Артурѣ" (Морск. Зап. 1944 г. т. 2, № 1), говоритъ, что кап. 2 р. Кроунъ прибылъ изъ Шанхая только наканунѣ гибели „Петропавловска". Изъ копіи же выписокъ о плаваніяхъ лейт. А. Непенина 2-го видно, что послѣдній уже 14 марта н. с. былъ назначенъ на м-цъ „Выносливый". Такъ какъ трудно думать, что Кроунъ и Непенинъ разстались въ пути и первый задержался на цѣлый мѣсяцъ, то надо полагать, что или онъ былъ назначенъ въ штабъ не сразу или, что В. П. Шмиттъ въ своихъ воспоминаніяхъ сдѣлалъ ошибку.

ши и начинаетъ служить", его интересъ сосредотачивается главнымъ образомъ на судовомъ хозяйствѣ и онъ становится образцовымъ ревизоромъ. Въ этомъ нетрудно усмотрѣть наслѣдственныя черты его предковъ — хозяйственныхъ землевладѣльцевъ.

Однако такая спеціализація сама по себѣ мало придавала ему цѣнности какъ строевому офицеру и не открывала какихъ либо особо яркихъ перспективъ къ дальнѣйшему продвиженію по службѣ.

А, между тѣмъ, какъ разъ въ то время во флотѣ назрѣвалъ въ этомъ отношеніи кризисъ, подобный тому, который имѣлъ мѣсто во время перехода отъ парусовъ къ пару. Избытокъ оберъ-офицеровъ по отношенію къ числу штабъ-офицерскихъ вакансій все болѣе и болѣе затягивалъ производство въ чинахъ, основанное на строгой линіи старшинства и ценза.

Въ свое время Генералъ-Адмиралъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ разрубилъ этотъ Гордіевъ узелъ, мертвившій жизнь флота, рѣзкой мѣрой, уволивъ въ отставку съ производствомъ въ штабъ-офицеры и назначеніемъ усиленной пенсіи цѣлый рядъ пожилыхъ лейтенантовъ. Въ Петербургѣ было немало табачныхъ лавочекъ, владѣльцами которыхъ являлись такіе отставные офицеры флота, не смогшіе устроить свою судьбу лучше.

Введенный тогда же для очищенія флота отъ неплавающаго офицерскаго балласта цензъ плаванія оказался палкой о двухъ концахъ. Сохраненіе производства по линіи старшинства привело къ „цензованію", въ результатѣ котораго явились частыя смѣны командатго состава, включая и командующихъ эскадрами, тяжело отразившіяся на качествѣ его подбора, а съ этимъ и на боеспособности самого флота.

И, вотъ, къ періоду, предшествующему Японской войнѣ, передъ вступленіемъ въ строй судовъ строительной программы 1900-05 г. г., производство въ штабъ-офицеры стало вновь такъ затруднительно, что многіе отличные офицеры, выполнившіе всѣ цензы, засиживались въ чинѣ лейтенанта свыше десяти лѣтъ, имѣя утѣшеніе лишь въ добавочномъ содержаніи (т. наз. „лейтенанты на окладѣ") по упраздненному реформой В. К. Константина Николаевича чину капитанъ-лейтенанта.

При такихъ условіяхъ Непенинъ, не имѣя никакой спеціальности, несмотря на отличныя данные ценза плаваній (всего до Японской войны 95 цензовыхъ мѣсяцевъ, изъ нихъ 55 въ заграничномъ плаваніи)*) рисковалъ, при нормальномъ положеніи вещей, остаться за флагомъ на служебномъ поприщѣ.

А между тѣмъ, какъ это показало лишь дальнѣйшее будущее, за всѣмъ внѣшнимъ его легкомысліемъ молодости внутри него шла незамѣтная, быть можетъ даже для него самого неясная, работа мысли.

Если въ Черномъ морѣ его впечатлѣнія отъ службы были, какъ видно, преимущественно отрицательными, то въ Тихомъ Океанѣ онъ обогащается огромнымъ матерьяломъ наблюденій самого разнобразнаго характера. Онъ видитъ вліяніе личности Командующаго эскадрой, его умѣніе управлять людьми, независимости характера и сильной воли, на состояніи всей эскадры: — на духѣ ея личнаго состава отъ младшаго флагмана и до матроса, на боевой ихъ подготовкѣ и даже на исправности и порядкѣ матерьяльной части кораблей.

Природное свойство его ума, склоннаго болѣе къ практикѣ жизни, чѣмъ къ теоретическимъ разсужденіямъ, быстро схватывать суть всякаго дѣла и облекать выводы въ конкретныя формы, свойство, которое русскій народъ мѣтко опредѣлилъ именемъ „здраваго смысла", дѣлаетъ весь этотъ запасъ наблюденій той сокровищницей, изъ которой онъ потомъ и черпаетъ все то, что дѣлаетъ его въ глазахъ ранѣе знавшихъ его людей „совершенно другимъ человѣкомъ".**)

Но, какъ растворъ кристаллическаго вещества для его кристаллизаціи долженъ дойти до полной насыщенности своей, такъ и накопленный Непенинымъ матерьялъ наблюденій требовалъ окончательной обработки въ горнилѣ, чтобы изъ него сформировались тѣ драгоцѣнные кристаллы, изъ которыхъ слагается „вождь".

Это и сдѣлали Японская война и Портъ-Артурская эпопея.

Продолженіе слѣдуетъ.

---

*) Выписки о плаваніяхъ лейт. А. Непенина 2-го.

**) В. И. Дмитріевъ — письмо 12 ноября 1955 г. „Послѣ П.-Артура и войны я встрѣтился съ нимъ только в 1911 г. въ Морскомъ Ген. Штабѣ и увидѣлъ совершенно другого человѣка".

И. м. лейт. Н. З. Кадесниковъ

СТО ОДИННАДЦАТЬ ДНЕЙ БЕЗЪ БЕРЕГА

(Оборона Крыма въ 1919-20 г.)

Продолженіе.

27 февраля. За ночь наше положеніе настолько осложнилось, что даже и мысли объ откачиваніи не могло прійти въ голову. Еще на разсвѣтѣ команды „Стража" и „К.-Георгія" были отправлены на берегъ. Не прошло и получаса, какъ мы были отрѣзаны отъ берега — сгрудившимся льдомъ закрыло весь лѣвый бортъ. „Терецъ" продолжаетъ все больше и больше крениться, и выхода изъ этого опаснаго положенія не предвидилось. Ледоколы собрались около „Грознаго" и къ намъ очевидно итти не собираются — или не могутъ, или имѣютъ другое назначеніе. Стоимъ словно забытые, безъ всякой связи, безъ провизіи и воды... Холодно, голодно и тоскливо! Въ 2 ч. 20 м. надъ „Терцомъ" низко кружился большевистскій аэропланъ и бросилъ по кораблю двѣ бомбы, разорвавшіяся на льду слѣва по кормѣ — очевидно красный наблюдатель плохо разсчиталъ разстояніе и силу вѣтра. Наши надежды на ледоколы пока что не оправдались: „Гайдамакъ" и „Ледоколъ № 3" повели „Грознаго" на позицію ближе къ Геническу, мы же ждемъ и перекликаемся для бодрости по радіо. А вѣтеръ все усиливается, корабль трещитъ отъ напирающаго на него льда и все больше кренится при каждомъ новомъ толчкѣ. Положеніе до крайности осложняется, а тутъ еще хочется ѣсть, хоть немного согрѣться и... отдохнуть.

28 февраля. Въ 7 ч. 20 м. утра „Грозный" открылъ огонь по селенію Юс-Куи. Очевидно есть какіе то заданія, намъ пока неизвѣстныя, предстоитъ какое то дѣло, но безъ инвалида

„Терца", конечно, не обойдутся. Въ 8 ч. 15 м. съ наблюдательнаго поста передали, что къ Геническу подходитъ много большевистскихъ подводъ. „Терецъ" уже готовится открыть огонь по лѣвой части города къ мѣсту, гдѣ было замѣчено движеніе. Въ 10 ч. по распоряженію, нами былъ открытъ огонь по подводамъ и вокзалу. Каковы бы не были намѣренія красныхъ — мы разстроили ихъ, не щадя своихъ тяжелыхъ снарядовъ. Били мѣтко, спокойно, упрямо... Но вотъ со стороны Салькова показался идущій на выручку большевистскій бронепоѣздъ — перенесли огонь на него, чтобы не пустить близко къ городу. Задача выполнена: поѣздъ скрылся, повозки разсѣялись! Въ двѣнадцатомъ часу стрѣльбу прекратили, но... да развѣ можно безъ „но", когда ужъ Богъ насъ отмѣтилъ!.. Отъ сотрясенія во время стрѣльбы сдала переборка, отдѣляющая послѣдній сухой погребъ, что подъ командирскимъ помѣщеніемъ, отъ ранѣе затопленнаго погреба для снарядовъ, что подъ каютъ-компаніей. Кренъ постепенно увеличивается. Въ 12 ч. 05 м. (это выписка изъ вахтеннаго журнала) ледъ снова двинулся цѣлыми полями. Порвало телефонные провода, и снова нѣтъ связи съ берегомъ въ это тревожное время. Видимъ, какъ „Грозный" подошелъ къ Геническу и все еще продолжаетъ бросать снаряды въ городъ... Наконецъ, обратили кажется и на насъ какое то вниманіе: около шести часовъ вечера „Гайдамакъ" подошелъ къ замерзнувшему вмѣстѣ съ нами и покинутому своей командой катеру „Ногайскъ" и взявъ его на буксиръ подвелъ ближе къ „Терцу" — надѣемся, что онъ будетъ примѣненъ какъ связь съ берегомъ и для откачиванія воды изъ нашихъ машинъ и погребовъ.

29 февраля. Съ утра, съ большимъ рискомъ провалиться, прыгая со льдины на льдину маленькая экспедиція отправилась на „Ногайскъ", чтобы поднять пары и подвести его къ борту „Терца", т. к. обнаружено, что даже въ каютахъ сквозь жилую палубу изъ затопленныхъ погребовъ и машиннаго отдѣленія выступаетъ вода. Нужно спасать положеніе, медлить некогда... Вечеромъ „Ногайскъ" былъ уже у борта „Терца". Но спасательная помпа не дѣйствуетъ — разбились во время сильныхъ морозовъ фланцы и пропускаютъ клапана — дѣло не маленькое, за ночь не будетъ готово. Несмотря на то, что было приказано „Ногайскъ" отвести къ „Гайдамаку", мы

умышленно отъ этого воздержались, вѣдь это пока буквально наша послѣдняя надежда...

1 марта. Начинается новый день, тяжелый и безрадостный, какъ десятки прожитыхъ здѣсь дней, съ какой нибудь непріятной неожиданностью... Не знаю, проснулся ли я, бредъ ли это: въ головѣ непріятный звонъ, грудь заложило и больно ломитъ — должно быть простудился я или нервы сдали...

Беру себя въ руки, рѣшительно встаю съ койки и... босыми ногами попадаю въ воду! Холодная какъ ледъ вода въ мигъ гонитъ прочь всѣ неясные остатки сновъ, ставя лицомъ къ лицу съ суровой дѣйствительностью, съ реальной жизнью... Все стало ясно и понятно: за ночь нордъ-остовымъ вѣтромъ нагнало съ моря воды и она, подъ давленіемъ, сквозь неплотную палубу, выступила въ жилыя помѣщенія. Вода во всѣхъ каютахъ, въ каютъ-компаніи, кубрикахъ... Въ каютъ-компаніи плаваютъ ящики изъ подъ консервовъ, дрова, оставшіяся отъ потухшаго за ночь и разрушеннаго водой камелька, ракеты и коробки изъ подъ ружейныхъ патроновъ. Вода стоитъ больше фута высотой; при каждомъ качаніи корабля, съ новымъ толчкомъ вѣтра, вода переливается и жутко шумитъ, влача по всѣмъ помѣщеніямъ плавающіе предметы... Первое желаніе было — скорѣе уйти отъ этого кошмара, скорѣе выбраться на верхную палубу... но какъ? Единственный способъ — это воспользоваться стульями... И вотъ мы по очереди съ большими затрудненіями медленно перебираемся къ выходному трапу, прыгая со стула на стулъ, каждый разъ рискуя свалиться въ грязную, холодную воду...

Только въ половинѣ одинадцатого послѣ долгихъ и упорныхъ стараній удалосъ наконецъ пустить въ ходъ спасательную помпу „Ногайска" и часа черезъ три вода начала, къ нашей радости, опредѣленно убывать... Опытъ оказался удачнымъ, послѣдняя соломинка очень пригодилась и пока еще есть немного угля — мы — живемъ...

3 марта. Мы предоставлены самымъ себѣ: связи, кромѣ радіо, ни съ „Грознымъ" ни „Ледоколомъ № 3" никакой нѣтъ...

4 марта. Ничего болѣе или менѣе существеннаго въ боевой обстановкѣ не измѣнилось. Какъ мы, такъ и большевики насторожѣ... За эти дни, откачавъ воду изъ погребовъ и машиннаго отдѣленія и задѣлавъ, какъ позволили средства, пропускающій пластырь, пробовали снимать „Терца" съ мели

при помощи „Ногайска", но пока что никакихъ существенныхъ результатовъ не добились, только устали, промокли и промерзли.

Сегодня въ полдень полученъ приказъ генерала Слащева — Командира 3-го Армейскаго Корпуса. Привожу его полностью:

Приказъ по 3-му Армейскому Корпусу.

Ст. Джанкой № 53 28 Февраля 1920 г.

Въ самые тяжелые періоды нашей боевой дѣятельности канонерская лодка „Терецъ" оказывала и продолжаетъ оказывать самую широкую поддержку по защитѣ нашихъ позицій на Арабатской Стрѣлкѣ. Затертый льдами, не имѣющій угля „Терецъ" выбросился на мель, рѣшивъ ради обороны нашихъ позицій сдѣлаться живой мишенью для артиллеріи красныхъ. Пробоины „Терца" свидѣтельствуютъ его боевую дѣятельность. Лишенный способности маневрировать и тяжело раненый, „Терецъ" продолжаетъ бороться съ бронепоѣздами противника и держать въ страхѣ пѣхоту красныхъ. Высадивъ на берегъ всю команду за исключеніемъ прислуги орудій, „Терецъ" оказалъ поддержку гарнизону Арабатской Стрѣлки какъ людьми, такъ и своимъ геройскимъ духомъ. Отъ лица службы благодарю командира, г. г. офицеровъ и команду славнаго боевого судна „Терецъ" за отличную самоотверженную службу, стар. лейт. Люби за дѣятельную организацію связи судовъ и боевого участка со Штабомъ Корпуса. Предлагаю капитану 2-го ранга Шрамченко представить награжденію крестами изъ команды „Терца" наиболѣе отличившихся.

Слащевъ.

Приказъ былъ прочитанъ командѣ при крикахъ „ура!" въ честь „нашей" Россіи — единой, мощной и свободной...

5 марта. На фронтѣ подготовительныя работы съ той и другой стороны. О нашемъ положеніи привожу радіограмму:

„Севастополь. Наштафлоту. Штормъ отъ нордъ-оста прекратился, море въ районѣ Геническа-Арабата опять сковало льдомъ. Работы по съемкѣ „Терца" ввиду отсутствія угля прекратилъ. Есть ли уголь въ Керчи? Прошу срочнаго отвѣ-

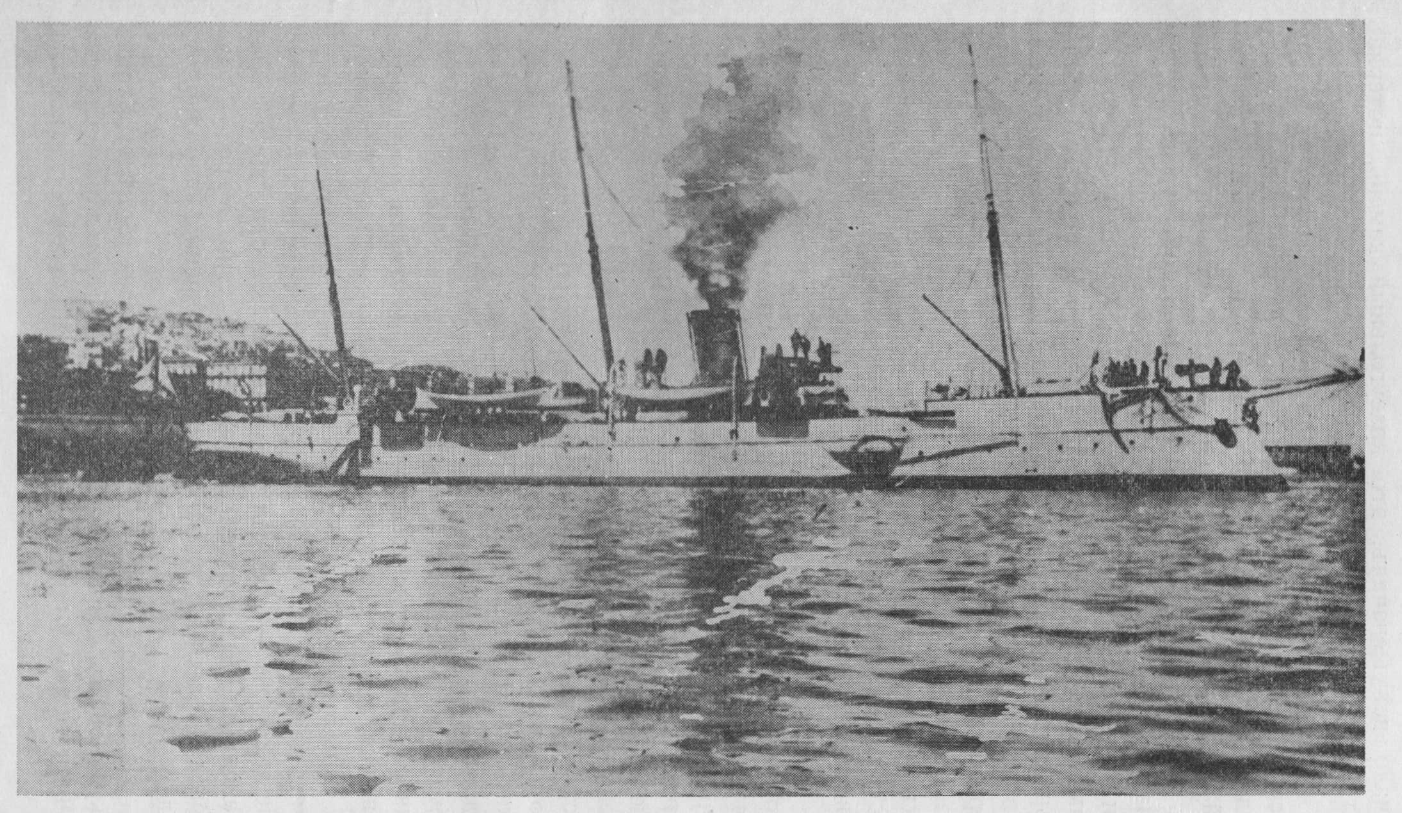
та, отъ этого зависятъ работы по съемкѣ „Терца". 5 марта 12 ч. 15 м. Кавторангъ Шрамченко."

Въ 10 ч. утра „Гайдамакъ" поставилъ на позицію „Грознаго".

6 марта. Въ 2 ч. 40 м. к. л. „Грозный" дѣлала пристрѣлку по косѣ. Нѣсколько позже красные, очевидно встревоженные нашимъ огнемъ, тоже открыли огонь въ цѣляхъ своей защиты. Снаряды рвались около нашихъ проволочныхъ загражденій и передовыхъ окоповъ. „Терцу", — да какъ же иначе? — пришлось своимъ огнемъ заставить замолчать большевистскія батареи. Но тревога по всему фронту уже пробита... Въ 3 ч. дня изъ Салькова вышелъ по направленію къ Чангарскому полуострову бронепоѣздъ красныхъ съ привязнымъ аэростатомъ, очевидно узнать въ чемъ дѣло. Мы тотчасъ же дали знать объ этомъ по радіо въ Джанкой, и черезъ часъ аэростатъ вернулся, преслѣдуемый нашими истребителями — ясно слышны были взрывы бросаемыхъ бомбъ... Аэростатъ снизился около станціи Сальково. Тотчасъ же былъ замѣченъ подходящій къ Геническу бронепоѣздъ красныхъ, но не успѣли мы и сдѣлать двухъ выстрѣловъ, какъ онъ срочно, не открывая огня, ушелъ назадъ.

Въ половинѣ пятаго мы встрѣтили на палубѣ „Терца" Начальника Отряда судовъ Азовскаго моря кап. I р. Машукова, пріѣхавшаго изъ Керчи по Стрѣлкѣ въ крестьянской телѣгѣ, запряженной одной лошаденкой. Отъ берега до корабля, смѣло и энергично перепрыгивая со льдины на льдину съ палкой въ рукѣ, онъ перебѣжалъ почти что незамѣченный. Едва успѣли сыграть сборъ и построить команду, какъ на палубу не вошелъ, а скорѣе вбѣжалъ небольшого роста съ смуглымъ, подвижнымъ лицомъ, украшеннымъ подстриженными темными усиками, офицеръ въ длинной сѣрой англійскаго образца шинели и старой, начинающей уже выцвѣтать морской фуражкѣ. Простой и доступный въ обращеніи, рѣшительный и непреклонный въ своихъ приказаніяхъ, Н. Н. Машуковъ невольно внушаетъ къ себѣ довѣріе, укрѣпляетъ вѣру въ то дѣло, которымъ онъ руководитъ, вливаетъ энергію и силу въ людей, павшихъ было духомъ отъ переутомленія въ непомѣрной борьбѣ съ сильнымъ врагомъ и стихіей. — Здорово молодцы! — и десятки бодрыхъ, звонкихъ голосовъ стройно оглашаютъ воздухъ — Здравія желаемъ, гос-нъ каперангъ! —

Здравствуйте, г. г. офицеры! — и здоровясь на ходу, держа подъ мышкой порыжелый портфель, спѣшно спускается въ каютъ-компанію. Справившись коротко и дѣловито о нашемъ самочувствіи, Н. Н. Машуковъ знакомитъ насъ, предупредивъ о секретѣ сказаннаго, съ общимъ положеніемъ дѣла... Вѣсти весьма важныя и характерныя для теперешняго момента... По его словамъ дѣло генерала Деникина на Кубани можно считать, къ глубокой скорби, проиграннымъ, самъ ген. Деникинъ, какъ Правитель Юга Россіи, доживаетъ послѣдніе дни. Добровольческая армія съ Кубани должна переброситься въ Крымъ — нашъ послѣдній надежный еще, лоскутокъ земли. Большинство кубанцевъ присоединились къ зеленымъ, Новороссійскъ уже нами потерянъ, даже радіотелеграфной связи нѣтъ — радіостанція Новороссійска занята зелеными. Наша Ставка теперь пока на ст. Крымской, что близь Новороссійска... Добровольческія части съ Кубани отходятъ частью черезъ Ейскъ на Тамань, частью на Кавказъ, выходя черезъ Анапу къ Черному морю. Въ Крыму ожидается приходъ около 48.000 добровольцевъ. Англичане и французы якобы ведутъ двойственную неясную для насъ политику... — ждемъ отъ нихъ какого-нибудь подвоха. Генералъ баронъ Врангель во взглядахъ на политику разошелся съ ген. Деникинымъ, указавъ ему на ошибку, приведшую къ гибели адмирала Колчака и его дѣло. Мы здѣсь, на фронтѣ, настолько далеки отъ политики, что все, что мы узнали, для насъ неожиданно ново. По приказанію ген. Деникина баронъ Врангель оставилъ предѣлы Россіи и черезъ Константинополь уѣхалъ на Балканы формировать будто бы добровольческія части, чтобы черезъ Румынію двинуться на большевиковъ (?). Нашъ флотъ по предположенію будетъ югославскимъ съ базой въ Фіумэ, если пропустятъ англичане черезъ Босфоръ, или въ Варнѣ..., когда въ Крыму, не дай Богъ, дѣло будетъ проиграно. Атаманъ Красновъ имѣетъ будто бы уже на германской территоріи армію изъ добровольцевъ въ 40.000 человѣкъ и ждетъ подходящаго момента въ политической обстановкѣ, чтобы съ запада двинуться на большевиковъ. Какъ дальше развернутся событія и имѣетъ ли подъ собой почву то, что разсказалъ вкратцѣ кап. I р. Машуковъ — не знаю, вѣдь мы совершенно отрѣзаны отъ того міра и далеки отъ какой либо политики. Наша прямая задача — держать до послѣдней возможности Крымъ — это

КАНОНЕРСКАЯ ЛОДКА »ТЕРЕЦЪ«, 1887 г. 1250 тоннъ, 13 узловъ.

начало всѣхъ началъ, это краеугольный камень, потерявъ который мы несомнѣнно потеряемъ все...

7 марта. Утро и день прошли спокойно; только къ вечеру, часа въ четыре, нашъ наблюдатель донесъ по телефону, что видѣлъ, какъ большевики поставили противъ нашихъ позицій платформу или что-то весьма подозрительное. Мы тотчасъ же открыли орудійный огонь и стрѣляли пока это не уничтожили. Заодно сдѣлали пристрѣлку (на будущее!) правой части Геническа. Снаряды рвались, поднимая гигантскіе столбы дыма, земли и осколковъ разрушенныхъ зданій... Въ дальномѣръ видно было, какъ толпы народа быстро переходили въ лѣвую часть города, прятались за холмы, за насыпь желѣзной дороги.

Около 10 ч. вечера двинулся ледъ, сорванный вѣтромъ съ норда, перешедшимъ затѣмъ, къ нашему страху, на нордъвестъ. Ледъ опять ходитъ цѣлыми полями, и мы уже предчувствуемъ новую драму въ недалекомъ будущемъ.

8 марта. Ровно въ 12 ч. ночи „Грозный" далъ намъ радіо, что его кружитъ и несетъ льдомъ и вѣтромъ къ берегу, и проситъ насъ держать огонь, чтобы онъ могъ оріентироваться. Черезъ каждыя четверть часа „Терецъ" пускалъ ракеты съ парашютомъ, освѣщающія на милю кругомъ и точно показывающія наше мѣсто...

Утро этого дня ничего хорошого не принесло. Нордъвестъ усиливается, унося все дальше и дальше въ море ледъ, сковывавшій „Терецъ" въ продолженіи двухъ съ половиной ужасныхъ мѣсяцевъ... Льдомъ и вѣтромъ унесло въ море оба ледокола — „Гайдамакъ" и „№ 3", а съ ними и „Грозный". Носитъ и кружитъ ихъ, безсильныхъ сопротивляться, угрожая раздавить... мы же стоимъ, какъ и стояли, крѣпко прикованные къ морскому дну, только кренъ еще увеличился.

9 марта. Никогда и нигдѣ такъ не чувствуются всѣ перемѣны погоды въ морѣ. Вчера вѣтеръ и сѣрое небо — настроеніе такое же — сѣрое и безотрадное... Сегодня же на душѣ праздникъ... Чудное солнечное, теплое утро. Море — какъ зеркало и сколько глазъ видитъ, совершенно свободно отъ льда.

Но тяжело раненый „Терецъ" прикованъ къ мѣсту. Стоитъ накренившись старый боецъ и зорко слѣдитъ за врагомъ... И чудятся ему минувшія были... Стоя на стражѣ чести и сла-

вы Россіи это онъ, „Терецъ", первымъ открылъ огонь по бунтовщикамъ, поднявшимъ въ 1905 г. красный флагъ на крейсерѣ I ранга „Очаковъ"; это онъ въ 1915 г. участвовалъ въ боевыхъ операціяхъ на Дунаѣ и прорвался къ устью подъ огнемъ пулеметовъ и полевыхъ орудій..., а въ 1919 г. тотъ же „Терецъ", вмѣстѣ съ кан. лод. „Грозный" и эск. мин. „Жаркій", атаковалъ Очаковскую крѣпость, вооруженную 4-6" и 15-ю полевыми орудіями, прорвался въ Днѣпровскій лиманъ и обезпечилъ успѣхъ дивизіи ген. Слащева при занятіи имъ Херсона, Николаева и Одессы. А вотъ и быль, похожая на сказку... Венеція, Пирей, Афины, Золотой Рогъ, Босфоръ, — какъ волшебный сонъ всплываютъ въ памяти... Точно только вчера все это было, такъ до мелочей ясны всѣ картины походовъ и интересныхъ стоянокъ на иностранныхъ рейдахъ... и въ то же время какъ будто этого не было совсѣмъ, что это только лишь игра богатого воображенія — такъ не вяжется эта сказка минувшаго со страшной дѣйствительностью послѣднихъ лѣтъ... Прошло время... Двѣ мачты срублены и снятъ красивый высокій полубакъ — такъ нужно было въ цѣляхъ удобства теперешней войны.

Вотъ пролетѣлъ непріятельскій аэропланъ, бросилъ несколько бомбъ, разбудилъ тишину и поднялъ тревогу. Стоитъ точно еще больше накренившись старый разбитый „Терецъ". Дико торчитъ перебитая мачта, оборванныя выбленки тоскливо рѣютъ, покорныя движенію поднявшагося вдругъ вѣтра... Зіяютъ раны-пробоины, въ трубѣ, борту и палубѣ, разорванная кормовая пушка и разбитый командирскій мостикъ, свидѣтели боевой жизни послѣднихъ дней.

10 марта. Съ ночи дуетъ сильный нордъ-остъ и расходившіяся волны безпощадно бьютъ въ бортъ корабля, заставляя его содрогаться всѣмъ корпусомъ. Все скрипитъ и трещитъ. Связь съ берегомъ прервана, и мы совершенно отрѣзаны отъ внѣшняго міра. Въ случаѣ аваріи ждать помощи неоткуда.

Наши соратники — „Грозный", „Гайдамакъ" и „№ 3" гдѣ то далеко въ морѣ за горизонтомъ и никакой связи съ ними у насъ нѣтъ. Въ цѣляхъ боевого удобства наша радіостанція еще въ двадцатыхъ числахъ февраля установлена на берегу въ деревнѣ Счастливцево, и мы теперь, потерявъ и съ ней телефонную связь, какъ безъ ушей.

11 марта. Всю ночь не переставая дулъ страшный нордъ-остъ, корабль вздрагивалъ отъ сильныхъ толчковъ волнъ и трещалъ по всѣмъ швамъ еще больше чѣмъ вчера. Съ утра уже видно было, что съ берегомъ никакого сообщанія не наладить, и мы уже попали въ безвыходное положеніе — на кораблѣ же еще со вчерашняго дня нѣтъ пищевыхъ запасовъ. Съ моря на горизонтѣ показался ледъ, гонимый нордъ-остомъ въ нашу сторону, что дѣлало необходимость принять съ берега провизіи хотя бы на нѣсколько дней еще острѣе, такъ какъ уже и теперь плавающій ледъ между кораблемъ и берегомъ не давалъ возможности сообщенія ни пѣшкомъ, ни на шлюпкѣ. Необходимо было также возстановить и телефонную связь, чтобы быть въ курсѣ боевыхъ операцій и точно знать, когда нужна наша поддержка и въ какомъ направленіи стрѣлять. Вспомнили было и примѣнили практикуемый раньше въ морскомъ дѣлѣ опытъ — бросили за бортъ на длинномъ концѣ анкерокъ съ прикрѣпленнымъ къ нему стальнымъ телефоннымъ проводомъ. Анкерокъ волной и вѣтромъ подгонялся къ берегу, а мы съ корабля подтравливали конецъ и проводъ, чтобы не стѣснять его движенія. Но изъ этой попытки сообщиться съ берегомъ ничего не получалось — волна, ударяясь о скопившійся у берега ледъ и получивъ обратное направленіе, отталкивала анкерокъ и гнала его рядомъ съ берегомъ совсѣмъ въ ненужномъ намъ направленіи...

Во что бы то ни стало связь нужно было наладить, и вотъ рѣшили рискнуть и сообщиться съ берегомъ при помощи шлюпокъ, чтобы достать такъ необходимой намъ провизіи, да и получить нѣкоторую информацію о положеніи... — Жребій палъ на меня... Въ половинѣ девятого утра на шестеркѣ, съ двойкой на длинномъ концѣ, двинулся я отъ борта корабля попытать счастья... Двойка, какъ мелкосидящая, должна была подойти къ берегу, принять провизію и на моемъ буксирѣ итти на корабль (шестерка къ берегу подойти не могла — ее могло опрокинуть или разбить волной). На всякій случай я взялъ съ собой сигнальщика — разстояніе между кораблемъ и берегомъ было достаточно большое для того, чтобы въ случаѣ необходимости связаться другимъ способомъ. Къ берегу близко не подходилъ — бѣшенная волна захлестывала далеко на пологій песчаный откосъ и съ ревомъ отливала назадъ, неся съ собой все, что успѣла захватить. Какъ это

ни было трудно, я держался на шестеркѣ на веслахъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега, двойку же на длинномъ концѣ съ двумя гребцами послалъ, сколько возможно, ближе... По колѣно въ водѣ спѣшно грузили приготовленную уже на берегу провизію — мясо и хлѣбъ. Но опасность приблизилась раньше, чѣмъ мы разсчитывали... Сильный вѣтеръ нагналъ ледъ и отдѣлилъ насъ отъ корабля. Возвращаться было больше чѣмъ рискованно — движущіяся глыбы могли въ щепки разбить и шестерку и двойку. Семафоромъ съ корабля мнѣ было приказано выброситься на берегъ. Съ поспѣшностью, необходимой въ этомъ случаѣ, все было достаточно удачно сдѣлано. Промокшая, иззябшая и совершенно выбившаяся изъ силъ команда, оставивъ на берегу мясо и хлѣбъ, отправилась по моему приказанію сушиться и отдыхать въ ближайшую избу. Вѣтеръ все усиливался... Ледъ пригнало къ берегу уже сажень на пятьдесятъ шириной и совершенно закрыло намъ выходъ. Корабль такимъ образомъ оставался безъ провизіи на неопредѣленное время. Переждавъ часа два-три, я рѣшилъ все же попытаться выйти изъ этого „безвыходнаго положенія". Дѣло было безспорно крайне рискованное, но необходимость заставляла и рисковать и даже жертвовать, т. к. вопросъ былъ о жизни цѣлаго корабля, уже и безъ того перенесшаго много мукъ и страданій отъ голода, холода и непомѣрнаго физическаго напряженія. Какъ я и ожидалъ, смѣльчаковъ итти со мною не находилось, приказывать же въ этомъ рискованномъ случаѣ я не считалъ возможнымъ. Но вотъ, спустя нѣсколько минутъ, вызвались все же два молодыхъ матроса. Погрузивъ всю провизію на двойку, мы втроемъ, запасшись полнымъ терпѣніемъ и упрямымъ желаніемъ во что бы то ни стало дойти до корабля, — двинулись въ опасную экспедицію. Отъ берега ледъ лежалъ не плотно, — отталкиваясь веслами мы медленно и осторожно продвигались между льдинами, выскакивая гдѣ позволяли болѣе крупные куски и тащили шлюпку на буксирѣ. Но вотъ сплошное поле отдѣльныхъ трущихся одна о другую льдинъ, и начатый нами способъ передвиженія уже не годится...

Разгрузили двойку и волокомъ тащили ее черезъ ледъ, перепрыгивая со льдины на льдину... Оставляемъ, возвращаемся къ провизіи и кто кусокъ мяса, кто мѣшокъ хлѣба, взваливъ на плечи и такъ же осторожно прыгая, переносилъ сколько

возможно впередъ... Опять шлюпку, опять мясо... Снова неплотный ледъ, снова погрузились на шлюпку и упираемся веслами въ невѣрную, подвижную опору. Опять выпрыгиваемъ, таща шлюпку за собой, проваливаемся между льдинами, и съ невѣроятнымъ упорствомъ, хотя и медленно, все же подвигаемся впередъ. Часовъ пять незамѣтно прошло въ этой борьбѣ съ препятствіями, и уже начало темнѣть, а мы только что дошли до полосы движущагося льда. Осталось самое трудное и опасное, а впереди ночь и усилившійся морозъ съ рѣзкимъ нордъ-остовымъ вѣтромъ... Мы промокли, замерзли и обезсилели... Видимъ теперь, что никакой надежды дойти сегодня до корабля конечно нѣтъ... Далъ на корабль взявшими на всякій случай у сигнальщика флажками семафоръ: — пробиться дальше не могу, выбились изъ силъ, замерзли... — Получилъ отвѣтъ, чуть видный въ надвигающейся темнотѣ: — „Мичману Кадесникову не рисковать собой и людьми, пока можно, срочно возвращаться на берегъ, ждать приказаній. Командиръ." — Исполняя приказаніе, я вытащилъ двойку съ провизіей на болѣе надежную и крѣпкую льдину и рѣшилъ оставить ее до завтра, надѣясь, что за ночь шлюпку не разобьетъ и никуда особенно далеко не унесетъ. Сами же мы налегкѣ спѣшно двинулись къ берегу, боясь надвигающейся темноты.

Я пошелъ впередъ, но не успѣлъ сдѣлать и десяти шаговъ, какъ меня обогналъ матросъ Горный, желая итти впереди и въ случаѣ надобности предупредить меня объ опасности. Къ сожалѣнію долго ждать не пришлось... Вотъ вижу его длинную фигуру, съ достаточной ловкостью перепрыгивающую со льдины на льдину, вижу какъ вдругъ онъ какъ-то нелѣпо взмахнулъ рукой, качнулся впередъ и... черезъ нѣсколько секундъ на фонѣ бѣлѣющихъ льдинъ уже видна была только голова, да правая рука, тщетно искавшая за что бы ухватиться... Я, забывая осторожность, бросился ему на помощь, но сдѣлавъ два-три шага почувствовалъ что маленькая неустойчивая льдина пошатнулась и я, потерявъ точку опоры, упалъ на бокъ. Ледяная вода черезъ воротникъ и рукавъ вползла на грудь, спину, сковала все тѣло. Съ рѣдкой энергіей, рожденной въ тотъ моментъ, я боролся со льдомъ — выберусь на половину — ледъ предательски подломится и погружусь снова, опять ухвачусь за первую подвернувшуюся

льдину и снова обмануть... Силы понемногу начали оставлять... Не помню, долго ли я возился такимъ образомъ, но наконецъ выбрался на болѣе надежную льдину. Горный тоже вылѣзъ и приближался ко мнѣ на помощь съ концомъ. Другой матросъ ушелъ немного въ сторону отъ нашего пути и тамъ, проваливаясь въ болѣе прочномъ льду по поясъ, медленно подвигался къ берегу. Провалившись еще нѣсколько разъ, уже менѣе опасно, мы наконецъ добрались до берега и не теряя ни минуты побѣжали въ избу. Тамъ, сбросивъ съ себя все мокрое и завернувшись въ сухое одѣяло, данное мнѣ заботливой хозяйкой избы, я сталъ грѣться у хорошо растопленной печки.

12 марта. Меня разбудили, чуть забрезжилъ сѣрый, холодный разсвѣтъ. Съ корабля полученъ семафоръ: — „Мичману Кадесникову. Попробуйте пробиться, положеніе на кораблѣ критическое, будемъ слѣдить". — Будутъ слѣдить, но помочь, въ случаѣ необходимости, все равно не смогутъ — шестерка и двойка здѣсь, да если бы и имѣлись средства переправы — подойти къ намъ не смогли бы!

Въ томъ же составѣ, т. е. два матроса и я, вооружившись на всякій случай досками и длиннымъ шестомъ, мы снова отправились въ опасный путь. Черезъ часъ съ небольшимъ мы сравнительно благополучно добрались до оставленной вчера на льду двойки, но за ночь льду со стороны моря еще прибавилось и пришлось снова вчерашними пріемами пробираться дальше. Вотъ наконецъ мы опять у полосы движущагося льда, а силы уже достаточно потрачены... Столкнули двойку и начали пробиваться между движущихся льдинъ. Громадныя глыбы то поднимаясь, то опускаясь вновь подошедшей волной трутся одна о другую, трещатъ, сжимаютъ маленькую шлюпку, каждую секунду угрожая раздавить ее... Съ невѣроятнымъ упорствомъ, хотя и медленно, пробиваемся впередъ и часа черезъ два вышли наконецъ на свободную воду. Все тѣло устало, одеревенѣло, на ладоняхъ вздулись мозоли и больно ноютъ. Непривѣтливо встрѣтили насъ громадныя волны... шлюпку подбросило, залило водой, откинуло назадъ... Насъ начало быстро относить волной и вѣтромъ все дальше и дальше на зюйдъ, все дальше отъ корабля, который неустанно слѣдитъ, но помочь не можетъ... Напрягая послѣднія силы, какъ автоматы работаемъ веслами... Вотъ мы и у штормъ-трапа, намъ бросили конецъ, чтобы мы могли задержаться.

Шлюпку немилосердно бьетъ о бортъ, то поднимая, то опуская, но опасность уже миновала. Нѣсколько услужливыхъ рукъ протянулись мнѣ на помощь, и въ мгновеніе ока я очутился на палубѣ. Моихъ матросовъ тоже почти вынесли. Итакъ, цѣль достигнута — „Терецъ" получилъ на нѣсколько дней подкрѣпленіе!..

Хочется добавить, что случай подобнаго „выступленія" былъ не единственный. Судовой врачъ „Терца" др. мед. Золотовъ по собственной инициативѣ „включился" въ работу по проводкѣ телефонныхъ линій, соединяющихъ „Терецъ" со всѣми отвѣтственными пунктами нашихъ позицій. Эти пункты: Штабъ Стрѣлковаго полка, передовыя заставы, Геническій кутъ, кан. лод. „Грозный", ледоколъ „Гайдамакъ" и село Счастливцево, гдѣ стоитъ резервъ полка.

Когда же при этомъ второмъ ледоходѣ наши линіи начали отходить и связь съ кораблями и берегомъ прервалась, докторъ Золотиловъ съ опасностью для жизни одинъ собралъ всѣ провода со льда, прыгая со льдины на льдину (къ тому же съ больной ногой!) и наматывая на себя собранный матеріалъ. Докторъ вернулся на корабль подъ звуки бурныхъ привѣтствій, буквально похожій на катушку Румкорфа! Такимъ образомъ „связь" была спасена и опять въ самый нужный моментъ возстановлена.

15. марта. Съ большимъ трудомъ добрались мы до берега, чтобы съ командиромъ корабля пойти къ командиру Сводно-стрѣлковаго полка по важному дѣлу стратегическаго характера, затѣмъ объѣхать обѣ радіо-станціи, наладить телефонную связь между всѣми отвѣтственными пунктами и навести нѣкоторый порядокъ въ расположеніи нашихъ морскихъ частей. Не успѣли мы еще добраться до берега, какъ „Терецъ" (за нашей спиной) неожиданно для насъ открылъ огонь по направленію Геническа. Очевидно было передано о томъ или иномъ движеніи красныхъ. Нордъ-остъ уже не дулъ, и мы успѣли связаться съ берегомъ телефономъ, поставивъ центральную станцію въ той избѣ на берегу, гдѣ мы сушились послѣ ледяной ванны.

Мы сѣли съ командиромъ на ожидавшую насъ подводу и поѣхали въ Штабъ полка въ Счастливцево. Неожиданно со стороны Геническа налетѣлъ непріятельскій аэропланъ и въ районѣ обѣихъ радіостанцій бросилъ нѣсколько бомбъ.

Перелетаетъ черезъ насъ и бросаетъ ихъ, чудится, надъ нашими головами, еще нѣсколько въ районѣ Штаба.

18 марта. Вечеромъ прибыла изъ Керчи на „Терецъ" ремонтная партія — водолазы, слесаря и плотники; срочно приступили къ работѣ по задѣлки пробоинъ. Дѣло было спѣшное, и пришлось работать всю ночь — мы вмѣстѣ съ ними дѣлили трудъ...

19 марта. Ничего новаго день не принесъ. Утромъ отдыхали отъ напорной ночной работы, днемъ работать не могли — мѣшала стрѣльба, вечеромъ же и ночью опять продолжали, пользуясь сносной погодой и нѣкоторымъ затишьемъ на фронтѣ.

20 марта. Утромъ наконецъ работа была закончена — поставили три „заплаты", въ разошедшіеся швы плотно забили деревьянные клинья и паклю. Кромѣ того для вѣрности на мѣста пробоинъ изнутри корабля были поставлены деревянные отсѣки (ящики) и залиты цементомъ.

22 марта. Вода изъ всѣхъ отсѣковъ уже выкачена. Цементъ, закрывшій пробоины, сѣлъ хорошо и довольно прочно держитъ. Все уже сдѣлано для того, чтобы сниматься съ злополучной мели, но никто не идетъ къ намъ на помощь... Всѣ нервничаютъ, не хватаетъ больше терпѣнія стоять неподвижно на одномъ мѣстѣ, къ тому же окруженными чистой ото льда водой. Сегодня же катеромъ „Ногайскъ" заводили верпъ. Пробовали было сами стягиваться, впрягши „Ногайскъ", но какъ на зло вода упала, и эта затѣя, естественно, не удалась.

23 марта. Сегодня теплый, тихій, тоскливосѣрый день. На морѣ полный штиль. Уныло-неподвижно стоитъ „Терецъ" и не шелохнется ни флагъ, ни гюйсъ. Все давно уже готово къ съемкѣ, но не идетъ обѣщанный ледоколъ...

24 марта. Ледокола все еще нѣтъ... Рѣшили пытать судьбу сами. Въ 6 час. вечера подняли пары на „Ногайскѣ" и пользуясь немного прибывшей водой пробовали сняться... Но вотъ уже три часа ночи — сожгли весь уголь, а ни на іоту не двинулись. Все казалось, что вотъ еще одно послѣднее усиліе и... „Терецъ" всплыветъ! Разломали барказъ и сожгли его вмѣстѣ съ веслами. Вотъ послѣдній рывокъ послѣдняго усилія и... „Терецъ" стоитъ какъ вкопанный, не реагируя на наши потуги...

25 марта. Около 12 час. дня на горизонтѣ показался давножданный ледоколъ „№ 3”. Не буду описывать восторга, съ которымъ встрѣчали его появленіе... Въ 4 ч. 10 м. приступили къ съемкѣ „Терца”. Съ ледокола „№ 3” завели „Ногайскомъ” на „Терецъ” шестидюймовый пеньковый тросъ, закрѣпивъ его за станокъ кормовой пушки, какъ наиболѣе надежное крѣпленіе (вѣдь все равно, дуло было разорвано и небольшая потеря, если станокъ сорветъ). Ледоколъ поднялъ полное давленіе, даетъ хода отъ малаго до самаго большого, но „Терецъ” только вздрогнетъ и ни на дюймъ съ мѣста. Были увѣрены, что для такихъ машинъ какъ на ледоколѣ не представится никакихъ затрудненій стянуть насъ, но вотъ бьемся уже до полночи, а положительныхъ результатовъ нѣтъ. Теперь только видимъ насколько меньшей представляли мы ту задачу, думая сняться даже „Ногайскомъ”. Рѣшили снимать „Терецъ” рывками — канатъ натянется, — „Терецъ” затрещитъ, но... все равно ни съ мѣста... Вотъ еще одинъ рывокъ сильнѣе всѣхъ предыдущихъ и... шестидюймовый тросъ рвется какъ гнилая веревка!.. Ночью заводитъ другой тросъ не представлялось возможнымъ, и ледоколъ всталъ немного поотдаль на якорь, дожидаясь утра.

27 марта. Сегодня съ разсвѣтомъ, не отдохнувъ еще отъ вчерашняго дня, опять энергично занялись съемкой. Рѣшили наконецъ, что дѣйствительно необходимо промыть каналъ, иначе же вся наша съемка будетъ Сизифовымъ трудомъ. Промывали „Ногайскомъ”, начиная отъ кормы, по всему лѣвому борту. Къ 12 час. ночи достигли уже весьма ощутительныхъ результатовъ. Оставалось еще немного промыть по мидельшпангауту, для чего пришлось измѣнить положеніе „Ногайска”: отвели носъ, бросили якорь и, задержавъ корму у борта корабля надежнымъ концомъ, стали готовиться къ полнымъ ходамъ, — т. е. чистили топки и поднимали паръ. Собрались было передохнуть и немного согрѣться. Вдругъ тишину темнаго рейда разбудили частые винтовочные выстрѣлы. Тотчасъ же услышали со стороны ледокола торопливо-отчаянный крикъ въ рупоръ — „На Тер-цѣ-э! вышлите не-мед-лен-но-о катеръ съ пулеметомъ!”... Ничего не понимаемъ, — всевозможныя, самыя невѣроятныя предположенія лѣзутъ въ голову — можетъ быть на ледоколѣ возстаніе и команда по большевистски расправляется со своими офицерами?.. можетъ

быть со стороны моря, пользуясь темнотой ночи, подошли къ ледоколу красные, и онъ просилъ нашей поддержки? Но во всякомъ случаѣ нужна немедленная помощь. Командиръ срочно назначилъ меня съ мичманомъ Гансонъ итти къ ледоколу и дѣйствовать какъ подскажетъ обстановка. Я выбралъ нѣсколько надежныхъ людей изъ команды „Терца" и не теряя времени сталъ грузить на „Ногайскъ" пулеметъ, винтовки и на всякій случай (ночь была на рѣдкость темная) ракеты. Крики о помощи повторялись, выстрѣлы участились. Вотъ мы готовы — топки свѣжи, паръ поднятъ и „Ногайскъ" полнымъ ходомъ идетъ къ ледоколу. Подходимъ къ борту и не выходя тотчасъ уже узнаемъ, что десять человѣкъ команды, въ томъ числѣ вся вахта ледокола, захвативъ пулеметъ, винтовки и предусмотрительно снявъ боекъ съ единственной пушки корабля, спустили лучшую шлюпку и скрылись въ темнотѣ ночи въ неизвѣстномъ направленіи...*) Мы срочно дали полный ходъ и задались цѣлью во что бы то ни стало догнать удирающихъ къ большевикамъ предателей-матросовъ...

Пошли по направленію къ Геническу, обогнули весь заливъ — часть Утлюкскаго лимана до о. Бирючаго, дальше наткнулись на широкую полосу плавающаго льда и повернули назадъ. Слишкомъ три часа тщетно гонялись за бѣглецами по всему заливу, мѣняя направленія и дѣлая всевозможныя петли. Ракеты не достигали желаемыхъ результатовъ, началъ задувать опять острый непріятный нордъ и всѣ огни относились в сторону, какъ разъ намъ ненужную... Прожекторъ ледокола свѣтлой полосой тщетно бороздилъ рейдъ; — очевидно преслѣдуемая нами шлюпка притихла гдѣ-нибудь подъ берегомъ, куда близко подойти мы не могли, чтобы не сѣсть на мель и еще погибнуть самымъ из-за нѣсколькихъ ослабѣвшихъ душъ. Только къ разсвѣту кончили неудачную экспедицію и, не смѣя думать объ отдыхѣ, стали продолжать прекращенную работу по подмывкѣ борта.

28 марта. Цѣлый день не переставая подмывали грунтъ по лѣвому борту корабля и къ 5 час. вечера достигли, кажется, опредѣленныхъ результатовъ: „Терецъ" началъ сильно кре-

---

*) На ледоколѣ „№3" [бывш. „Одесса"] вся команда, капитанъ, два его помощника и механикъ были вольнонаемные, а комендантъ — молодой сухопутный поручикъ.

ниться, получивъ на лѣвый бортъ сначала 4°, потомъ больше и больше, достигнувъ 8°... Завели буксиръ, совершенно увѣренные уже въ успѣхѣ, и въ 6 час. вечера начали стягиваться всѣми силами машинъ ледокола. Кренъ ивеличился до 10½° при первомъ же рывкѣ — по палубѣ ходить было уже почти невозможно, — но „Терецъ" не двинулся... Видно слишкомъ сильно вросли мы въ ту случайную отмель, что всѣ наши отчаянныя усилія напрасны! На помощь ледоколу впрягли еще и „Ногайскъ".

Четко слышались бодрые голоса въ тишинѣ весенней ночи. Море было на рѣдкость спокойное: ни вѣтерка, ни волны — полный штиль... Всѣ жили только одной мыслью, однимъ желаніемъ: во что бы то ни стало сняться съ мели теперь же, вѣдь сдѣлано все что нужно и причинъ для неуспѣха казалось уже нѣтъ! Вотъ близится полночь... Въ церквахъ Геническа раздается призывный звонъ къ Пасхальной заутренѣ...

Вотъ опять рывокъ. Всѣ работаютъ съ отчаянной энергіей — ужъ очень хочеться сняться до двѣнадцати часовъ... Еще нѣсколько рывковъ, еще одно послѣдніе усиліе и... стальной буксиръ ледокола съ какимъ то надтреснутымъ стономъ порвался... Всѣ сразу какъ-то почувствовали страшную усталость и полную апатію. Командиръ приказалъ прекратить работы на ночь и первый день Пасхи. Грустная была эта ночь — тусклая коптилка тоскливо освѣщала фантастически склонившуюся убогую мебель каютъ-компаніи, бросая блѣдныя, неспокойныя тѣни на разочарованно-усталыя лица офицеровъ; пустой и какъ-то уродливо наклонившійся столъ точно стыдался закоптѣлаго мѣднаго чайника и чернаго хлѣба рядомъ съ нимъ...

Окончаніе слѣдуетъ.

Краткій очеркъ дѣйствій флота при эвакуаціи Крыма въ ноябрѣ 1920 г. и пребываніе его на чужбинѣ

(Продолженіе)

Съ момента начала эвакуаціи Крыма Командующій Флотомъ, находясь все время въ радіосвязи съ Константинополемъ, давалъ нашему Военно-Морскому Агенту капитану I ранга Щербачеву инструкціи и приказанія какъ въ отношеніи судовъ, уже прибывшихъ въ Босфоръ, по заготовкѣ для нихъ провизіи, воды, угля, и т. д., такъ и въ смыслѣ оказанія помощи судамъ, находящимся еще въ морѣ или подходившимъ къ Босфору. Съ выходомъ первыхъ судовъ съ войсками и бѣженцами изъ Севастополя Командующій Флотомъ телеграфировалъ объ этомъ Военно-Морскому Агенту въ Константинополѣ для передачи этого также нашему дипломатическому представителю г. Нератову и представителю Главнокомандующаго генералу Лукомскому. Увѣдомляя о выходѣ первыхъ судовъ, Командующій Флотомъ добавилъ, что Главкомъ приказалъ по приходѣ судовъ въ Босфоръ на всѣхъ русскихъ судахъ поднять на форъ-стенгѣ французскіе флаги, имѣя кормовыми русскіе. 2-го ноября Командующій Флотомъ телеграфировалъ Морскому Агенту: „Севастополь и Феодосія нами оставлены. Судовъ въ эти порты не посылать. Внимательно слушать радіо о помощи и судамъ уже вышедшимъ и высылаемымъ изъ Константинополя оказывать помощь углемъ и водой и, если нужно, буксировкой судамъ съ войсками и бѣженцами".

Того же 2-го числа Главнокомандующій телеграфировалъ генералу Кутепову въ Константинополь на „Саратовъ": „Впредь до моего прибытія въ Константинополь всѣ войска

и флотъ, находящіеся на рейдѣ Константинополя и проливахъ, подчиняются Вамъ".

3-го ноября Командующій Флотомъ сообщилъ Морскому Агенту: „Эвакуированы Севастополь, Евпаторія, Ялта, Феодосія, сегодня Керчь. На транспортахъ, военныхъ судахъ до 110.000 человѣкъ. Запасы угля, воды, провизіи по приходѣ въ Константинополь изсякнутъ. Вышлите буксиры къ Каваку помощи судамъ для входа въ проливъ къ разсвѣту 17-го ноября (новъ ст.), т. к. они перегружены и плохо управляемы. „Аратару" приготовиться дать уголь транспортамъ. Принять мѣры охраны имущества на судахъ. Внимательно слушать радіо судовъ въ морѣ. До моего прихода Вамъ быть Старшимъ Морскимъ Начальникомъ".

4-го ноября Командующій Флотомъ приказалъ: „Самымъ срочнымъ образомъ вышлите два большихъ и быстроходныхъ парохода на встрѣчу Керчь, Беренсу, который идетъ съ перегруженными судами. Готовьте продовольствіе и воду прибывающимъ кораблямъ".

Не имѣя точныхъ данныхъ о томъ, какія наши суда уже прибыли въ Константинополь, Командующій Флотомъ приказалъ Начальнику I-го Отряда контръ-адмиралу Остелецкому, прибывшему на вспомогательномъ крейсерѣ „Алмазъ" въ Константинополь 2-го ноября, доносить о всѣхъ прибывшихъ и прибывающихъ нашихъ судахъ со стороны Чернаго моря.

5-го ноября, наканунѣ своего прихода въ Босфоръ, Командующій Флотомъ, не имѣя донесеній отъ Морского Агента, приказалъ Начальнику I-го Отряда судовъ выслать срочно „Илью Муромца", „Черномора", „Далландъ" на встрѣчу адмиралу Беренсу, который шелъ отъ Чауды.

Большое содѣйствіе и помощь во время эвакуаціи Крыма оказывали Командующему Флотомъ суда Французскаго военнаго флота. Особенную предупредительность и вниманіе къ нашимъ нуждамъ выказалъ французскій контръ-адмиралъ Дюмениль, державшій свой флагъ на крейсерѣ „Вальдекъ Руссо". Содѣйствіе это выражалось главнымъ образомъ въ связи какъ радіотелеграфной, такъ и при помощи судовъ. 2-го ноября, когда вышедшій на буксирѣ изъ Севастополя п/х. „Адмиралъ Кашерининовъ", оторвавшись отъ буксира, началъ дѣлать сигналы о бѣдствіи, адмиралъ Дюмениль сейчасъ же послалъ на его розыски посыльное судно „Туль", о

чемъ адмиралъ извѣстилъ Командующаго Флотомъ. Того же 2-го числа адмиралъ Дюмениль, встрѣтивъ въ морѣ п/х. „Россія", по просьбѣ Командующаго Флотомъ срочно направилъ „Россію" въ Керчь, куда она пришла какъ разъ вовремя. Тогда же, по просьбѣ Командующаго Флотомъ, французскимъ судномъ были сняты послѣдніе оставшіеся люди съ Ялтинскаго мола. Не имѣя надежной связи съ Керчью, Командующій Флотомъ просилъ адмирала Дюмениль послать въ Керчь французскій миноносецъ для информаціи. Кромѣ того почти всѣ радіотелеграммы въ Константинополь французскій адмиралъ передавалъ черезъ свои суда. 3-го ноября адмиралъ Дюмениль телеграфировалъ Командующему Флотомъ: „Я уже отдалъ распоряженіе въ Константинополѣ. Дополнительно отдамъ распоряженія, согласно Вашимъ пожеланіямъ. Всѣ мои мелкія суда будутъ сопровождать въ плаваніи транспорты, чтобы оказать въ случаѣ нужды помощь. „Альжеренъ" будетъ въ распоряженіи „Корнилова"." — На это Командующій Флотомъ отвѣтилъ: „Очень благодаренъ за заботы и содѣйствіе".

Когда, по приходѣ всѣхъ судовъ въ Босфоръ, выяснилось, что эск. мин. „Живой" не пришелъ, то совмѣстно съ нашими судами было послано въ морѣ на поиски „Живого" нѣсколько французскихъ военныхъ судовъ. 3-го ноября адмиралъ Дюмениль по радіо обратился къ Главнокомандующему со слѣдующимъ привѣтствіемъ:

Генералу Врангелю:

Офицеры и солдаты Арміи Юга въ продолженіе 7-ми мѣсяцевъ подъ Вашимъ командованіемъ подали великолѣпный примѣръ храбрости, сражаясь противъ противника въ 10 разъ сильнѣйшаго, дабы освободить Россію отъ постигшей тираніи. Но борьба эта была черезчуръ неравная, и Вамъ пришлось покинуть Вашу родину, я знаю съ какимъ горемъ. По крайней мѣрѣ Вы имѣете удовлетвореніе въ сознаніи великолѣпно проведенной эвакуаціи, которую французскій флотъ, подавшій Вамъ помощь, счастливъ видѣть хорошо законченной. Ваше дѣло не будетъ безполезнымъ, населеніе юга быстро сумѣетъ сравнить Вашу власть, справедливую и благожелательную съ мерзкимъ режимомъ совѣтовъ и Вы тѣмъ самымъ окажете помощь возвращенію разума и возрожденію Вашей страны, что желаю, чтобы произошло въ скоромъ времени

Адмиралъ, офицеры и матросы Французкаго Флота низко склоняются передъ генераломъ Врангелемъ, дабы почтить его храбрость".

Находясь еще въ морѣ, Главнокомандующій послалъ слѣдующую радіотелеграмму въ Константинополь А. В. Кривошеину для широкаго распространенія:

„Русская Армія, оставшись одинокой въ борьбѣ съ коммунизмомъ, несмотря на полную поддержку крестьянъ, рабочихъ и городского населенія Крыма, вслѣдствіе своей малочисленности, не смогла отразить натиска во много разъ сильнѣйшаго противника, пребросившаго войска съ польскаго фронта. Я отдалъ приказъ объ оставленіи Крыма. Учитывая тѣ трудности и лишенія, которыя Русской Арміи придется перетерпѣть въ ея дальнѣйшемъ крестномъ пути, я разрѣшилъ желающимъ остаться въ Крыму. Такихъ почти не оказалось. Всѣ казаки и солдаты Русской Арміи, всѣ чины Русскаго Флота, почти всѣ бывшіе красноармейцы и масса гражданскаго населенія, не захотѣли подчиниться коммунистическому игу. Они рѣшили идти на новое тяжелое испытаніе, твердо вѣря въ конечное торжество своего праваго дѣла. Сегодня закончилась посадка на суда, вездѣ она прошла въ образцовомъ порядкѣ. Неизмѣнная твердость духа Флота и господство на морѣ дали возможность выполнить эту безпримѣрную въ исторіи задачу и тѣмъ спасти армію и населеніе отъ мести и надруганія. Всего изъ Крыма ушло около 120.000 человѣкъ и свыше 100 судовъ Русскаго Флота.

Настроеніе войскъ и флота отличное, у всѣхъ твердая вѣра въ конечную побѣду надъ коммунизмомъ и въ возрожденіе нашей Великой Родины. Отдаю Армію, Флотъ и выѣхавшее населеніе подъ покровительство Франціи, единственной изъ великихъ державъ, оцѣнившей міровое значеніе нашей борьбы.

3/16 ноября № 004718. Врангель."

Къ 10-му ноября всѣ русскіе корабли, какъ военные, такъ и коммерческіе, вышедшіе изъ портовъ Крыма, кромѣ одного *эск. мин. „Живой", пришли въ Царьградъ и стали на якорь* на рейдѣ Мода.

Эвакуація закончилась. Русскій Флотъ, несмотря на всѣ свои недочеты, преодолѣвая всѣ трудности, отлично справился *съ выпавшей на его долю труднѣйшей задачей. Ушло*

около 120 судовъ, на которыхъ вывезено, по подсчетамъ въ Константинополѣ, 145.693 человѣка, изъ которыхъ 116.758 военныхъ, въ томъ числѣ 6.628 раненыхъ, и 28.935 гражданскихъ. Такая работа Флота была должнымъ образомъ оцѣнена Главнокомандующимъ и Командующимъ Флотомъ, а также и иностранцами.

Еще 3-го ноября въ морѣ приказомъ Главнокомандующаго за № 2207 Командующій Черноморскимъ Флотомъ контръ-адмиралъ Кедровъ былъ проиведенъ за особыя отличія по службѣ въ вице-адмиралы. Нѣсколько позже былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты Начальникъ Морского Транспорта инж. мех. генералъ-маіоръ Ермаковъ.

Командующій Флотомъ 4-го ноября въ морѣ отдалъ слѣдующій приказъ за № 5.:

„Флагманы, командиры, офицеры и матросы Черноморскаго Флота. Въ неравной борбѣ нашей съ неисчисленными превосходными силами противника Русской Арміи, истекающей кровью, пришлось оставить Крымъ. На доблестный Черноморскій Флотъ выпала исключительная по трудности задача, когда безъ иностранной помощи своими средствами и силами, въ весьма краткій срокъ, въ осеннее время нужно было подготовить и эвакуировать изъ Крыма Армію и часть населенія общей численностью свыше 100.000 человѣкъ. Черноморскій Флотъ, сильный своимъ духомъ, блестяще справился съ этой задачей. Изъ всѣхъ портовъ Крыма въ 3-хъ дневный срокъ почти одновременно, по составленному заранѣе плану, транспорты, перегруженные до крайности, подъ прикрытіемъ военныхъ судовъ вышли въ Константинополь. Одновременно были выведены на буксирахъ всѣ находившіеся въ ремонтѣ большія суда и плавучія средства, имѣющія какое-нибудь боевое значеніе. Противнику оставлены только старые корабли со взорванными еще въ прошломъ году иностранцами механизмами.

Нашъ Главнокомандующій, желая отмѣтить такую исключительную работу флота, произвелъ меня, Вашего Командующаго Флотомъ, въ вице-адмиралы. Низко кланяюсь и благодарю Васъ за эту честь. Не ко мнѣ, а къ Вамъ относится эта награда. Не могу не отмѣтить исключительной работы моего Начальника Штаба контръ-адмирала Машукова. Не буду говорить объ этой работѣ его — Вы ее всѣ видѣли, оцѣнили

и откликнулись, слѣдствіемъ чего явилась Ваша доблестная и исключительная по достигнутымъ результатамъ работа".

8/21 ноября Главнокомандующій отдалъ слѣдующіе два приказа:

„№ 4771. — Эвакуація изъ Крыма прошла въ образцовомъ порядкѣ. Ушло 120 судовъ, вывезено около 130.000 человѣкъ. Сохранена грозная русская военная сила.

Отъ лица службы приношу глубокою благодарность за выдающуюся работу по эвакуаціи Командующему Флотомъ вице-адмиралу Кедрову, генераламъ Кутепову, Абрамову, Скалону, Стогову, Барбовичу, Драценко и всѣмъ чинамъ доблестнаго Флота и Арміи, честно выполнявшимъ работу въ тяжелые дни эвакуаціи."

„№ 4187. — Тяжелая обстановка, сложившаяся въ концѣ октября для Русской Арміи, вынудила меня рѣшить вопросъ объ эвакуаціи Крыма, дабы не довести до гибели истекавшіе кровью войска въ неравной борьбѣ съ насѣдавшимъ врагомъ. Вся тяжесть и отвѣтственность за успѣхъ предстоявшей работы ложилась на доблестный нашъ Флотъ, бокъ-о-бокъ съ Арміей раздѣлявшій труды и лишенія Крымскаго періода борьбы съ угнетателями и насильниками Родины. Трудность задачи, возлагавшейся на Флотъ, усугублялась возможностью осенней погоды и тѣмъ обстоятельствомъ, что, несмотря на мои предупрежденія о предстоящихъ лишеніяхъ и тяжеломъ будущемъ, 12.000 русскихъ людей — воиновъ, рядовыхъ гражданъ, женщинъ и дѣтей — не пожелали подчиниться насилію и неправдѣ, предпочтя исходъ въ неизвѣстность. Самоотверженная работа Флота обезпечила каждому возможность выполнить принятое имъ рѣшеніе. Было мобилизовано все, что не только могло двигаться по морю, но даже лишь держаться на немъ. Стройно и въ порядкѣ, прикрываемые боевой честью Флота, отрывались одинъ за другимъ отъ Русской Земли перегруженные пароходы и суда, кто самостоятельно, кто на буксирѣ, направляясь къ далекимъ берегамъ Царьграда.

И вотъ передъ нами невиданное въ исторіи человѣчества зрѣлище: на рейдѣ Босфора сосредоточилось свыше 100 россійскихъ вымпеловъ, вывезшихъ многія тысячи россійскихъ патріотовъ, коихъ готовилась уже залить красная лавина своимъ смертоноснымъ огнемъ. Спасены тысячи людей, кои

вновь объединены горячимъ стремленіемъ выйти на новый смертный бой съ насильниками Земли Русской. Великое дѣло это выполнено Россійскимъ Флотомъ, подъ доблестнымъ водительствомъ его контръ-адмираломъ Кедровымъ. Прошу принять Ваше Превосходительство и всѣхъ чиновъ военнаго флота отъ старшаго до самаго младшаго мою сердечную благодарность за самоотверженную работу, коей еще разъ поддержана доблесть и слава Россійскаго Андреевскаго Флага. Отъ души благодарю также всѣхъ служащихъ коммерческаго флота, способствовавшихъ своими трудами и энергіей благополучному завершенію всей операціи по эвакуаціи Арміи и населенія изъ Крыма. Генералъ Врангель".

ПРЕБЫВАНІЕ ФЛОТА ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ. РАЗГРУЗКА ФЛОТА ОТЪ ВОЙСКЪ И НАСЕЛЕНІЯ.

Съ 14-го по 23-е ноября н. с. суда, вышедшія по эвакуаціи изъ портовъ Крыма, сосредотачивались въ Константинополѣ на рейдѣ Мода. Первой задачей Флота было разгрузиться отъ войскъ и бѣженцевъ, переполнявшихъ суда, до выгрузки которыхъ нечего было и думать о какой либо работѣ на корабляхъ или правильномъ теченіи корабельной службы. Въ первую очередь, сразу по приходѣ Флота въ Босфоръ, Французскимъ командованіемъ снимались съ судовъ раненые и больные и размѣщались по госпиталямъ Константинополя и его окрестностей. Ввиду большого числа раненыхъ и больныхъ пришлось въ дополненіе къ береговымъ госпиталямъ, по соглашенію между Русскимъ и Французскимъ Командованіемъ, организовать на нѣкоторыхъ судахъ плавучіе госпитали. Для этой цѣли были предназначены транспортъ „Ялта" и п/х. „Румянцевъ" и „Цесаревичъ Георгій". Послѣ своза раненныхъ и больныхъ началась разгрузка войскъ и бѣженцевъ, для чего раньше всего надо было установить, кого считать бѣженцами, а кого дѣйствительно военнослужащими. Въ этомъ смыслѣ былъ изданъ Штабомъ Главнокомандующаго приказъ, устанавливающій, кто изъ числа военныхъ и морскихъ чиновъ могутъ считаться бѣженцами:

1 — Всѣ генералы и адмиралы, не пожелавшіе остаться на службѣ или пожелавшіе, но не получившіе назначенія.

2 — Всѣ штабъ-офицеры, не получившіе штатныхъ назначеній.

3 — Всѣ штабъ- и оберъ-офицеры, старше 43-хъ лѣтъ, не пожелавшіе добровольно оставаться въ составѣ Русской Арміи.

4 — Всѣ штабъ-офицеры, оберъ-офицеры и солдаты, имѣющіе свидѣтельства о непригодности къ службѣ (4-ая категорія).

5 — Всѣ офицеры независимо отъ чиновъ, имѣющіе спеціальное, высшее военное и морское образованіе (Ген. Штаба, Интенд., Артил., Юристы, Инженеры, Электротехники), не получившіе штатныхъ должностей по спеціальности и не желающіе оставаться на должностяхъ рядовыхъ.

6 — Всѣ имѣющіе 3-ю категорію за болѣзнью и раненіемъ.

Русская Армія, переформированная въ три корпуса: I-ый Корпусъ — регулярные войска, Донской корпусъ и Кубанскій, соотвѣтственно разселялись: I-ый корпусъ — въ Галлиполи, Кубанскій — на островъ Лемносъ и Донской корпусъ — лагерь въ районѣ Чаталджи. Частныя лица и военные, зачисленные въ категорію бѣженцевъ, распредѣлялись по лагерямъ Константинопольскаго района, а также отправлялись въ Сербію, Болгарію и Румынію, при чемъ съ правительствами этихъ государствъ Французскимъ правительствомъ велись переговоры о принятіи возможно большаго количества русскихъ бѣженцевъ. Особенно труднымъ періодомъ для войскъ и населенія были первые дни по приходѣ въ Константинополь до разгрузки судовъ, т. к. за время эвакуаціи почти на всѣхъ судахъ были израсходованы всѣ запасы провизіи, а главное воды. Провизіей и водой русскіе суда снабжались средствами Французской Морской Базы, и вопросъ съ провизіей наладился довольно быстро. Съ водой же дѣло осложнялось. Имѣвшіяся въ распоряженіи Французской Базы и Управленія Русскаго Командира Порта плавучія средства для доставки воды были недостаточны для обслуживанія 120 русскихъ кораблей. Многія суда получили воду лишь на 5-6 сутки по приходѣ. Для выхода изъ этого тяжелого положенія Командующій Флотомъ приказалъ 28-го ноября срочно разгрузить отъ людей и грузовъ паровыя шаланды „Аджадеръ" и „Иструанъ", а нѣсколько раньше — „Сурожъ" и предназначить эти суда для подачи воды на рейдъ. Благодаря этимъ мѣрамъ и водяной вопросъ сталъ налаживаться.

Приказомъ Командующаго Русской Эскадрой отъ 25-го декабря за № 21, разрѣшалось на военныхъ корабляхъ, и то только до организаціи спеціальнаго транспорта при эскадрѣ, оставаться семьямъ офицеровъ и матросовъ, имѣющихъ штатныя должности на этихъ судахъ. Членами семействъ считались: жена, дѣти и матери главъ семействъ. Всѣ остальные члены семействъ и родственники оставались въ категоріи бѣженцевъ на общихъ основаніяхъ и должны были съѣхать на транспорты для направленія къ мѣстамъ расположенія бѣженцевъ, согласно распоряженія Французского Командованія. Тѣмъ офицерамъ и матросамъ, кои не пожелали бы разстаться со своими родственниками, идущими въ категорію бѣженцевъ, разрѣшалось также перейти въ категорію бѣженцевъ. На основаніи этого приказа было предложено всѣмъ чинамъ Морского Вѣдомства, не получившимъ назначеніе, ихъ семьямъ и членамъ семействъ, не имѣвшимъ права оставаться на эскадрѣ, эвакуироваться на п/х. „Владиміръ" въ Катарро.

Пополнивъ запасы угля, воды и провизіи, послѣ разсортировки войскъ по корпусамъ, транспорты по соглашенію Русскаго и Французскаго Командованія начали перевозку войскъ изъ Константинополя въ Галлиполи — I-й Корпусъ и въ портъ Мудросъ на о-вѣ Лемносъ — Кубанскій корпусь. Въ Константинополѣ высаживался и отправлялся въ лагерь въ районѣ Чаталджи Донской корпусъ. При свозкѣ войскъ съ судовъ Французскимъ Командованіемъ было приказано войска эти разоружить, т. к. офиціально разрѣшалось имѣть въ частяхъ оружіе въ весьма ограниченномъ количествѣ лишь для несенія караульной службы и веденія занятій. Однако это разоруженіе велось болѣе для формальности, и Французское Командованіе удовлетворялось очень небольшимъ количествомъ сдаваемаго оружія, по большей части негоднаго. Часть оружія была войсками оставлена на судахъ. По приходѣ въ Константинополь для охраны казенныхъ грузовъ на судахъ транспортнаго флота, по приказанію Главнокомандующаго, были выставлены караулы отъ конвоя Главнокомандующаго и Текинской сотни. Вскорѣ затѣмъ для учета и охраны всѣхъ грузовъ, какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ, по соглашенію съ Французскимъ Командованіемъ была образована смѣшанная комиссія изъ французскихъ и русскихъ офицеровъ. Эта комиссія, осмотрѣвъ и провѣривъ всѣ грузы на судахъ,

запечатала всѣ трюмы, и въ дальнѣйшемъ вся отвѣтственность за сохранность этихъ грузовъ ложилась на командировъ, капитановъ и комендантовъ соотвѣтствующихъ судовъ. Выгрузка и учетъ всѣхъ грузовъ съ русскихъ судовъ регулировались приказами Штаба Французской Эскадры Восточной части Средиземнаго моря за №№ 1547 и 1548. Эти приказы гласили, что въ принципѣ никакой грузъ съ русскихъ судовъ не могъ быть выгруженъ до разгрузки судовъ отъ пассажировъ. Выгрузка грузовъ и выдача ихъ владѣльцамъ могла производиться только въ Константинополѣ. До выгрузки всѣхъ пассажировъ грузы оставались опечатанными въ трюмахъ подъ личной отвѣтственностью капитановъ. Выдача частныхъ грузовъ ихъ владѣльцамъ производилась только послѣ предъявленія владѣльцами документальныхъ данныхъ на ихъ право на грузъ, особо созданной комиссіи, состоящей изъ представителей французскаго военнаго и морского вѣдомствъ и одного русскаго офицера Управленія Русскаго Командира Порта въ Константинополѣ. Грузы, принадлежащіе Русскому Правительству, должны были выгружаться средствами французскаго сухопутнаго командованія и браться этимъ командованіемъ на учетъ. Выгрузку уже разрѣшенныхъ комиссіей грузовъ съ русскихъ судовъ должны были контролировать особо назначенные Командующимъ Французской Эскадры офицеры-механики. Кромѣ того было объявлено, что ни одинъ актъ продажи грузовъ, произведенный послѣ 12-го ноября, не будетъ признанъ этой комиссіей. Ввиду полной необорудованности въ первое время лагеря въ Галлиполи, отсутствія помѣщеній, лазаретовъ и недостатка воды, Командующимъ Русской Эскадры были посланы въ Галлиполи въ распоряженіе Командира Корпуса генерала Кутепова бывшій лин. кор. „Георгій Побѣдоносецъ" для жилья на немъ войскъ, п/х. „Румянцевъ" и „Ялта" подъ госпиталь и тральщикъ № 412 съ запасомъ прѣсной воды. Кромѣ того, для рейдовой службы былъ посланъ буксиръ „Тайфунъ" и по назначенію Французскаго Коменданта Моды одно парусное судно для доставки въ Галлиполи дровъ.

Для руководства морской частью высадки войскъ въ Галлиполи и портѣ Мудросъ были 30-го ноября Командующимъ Русской Эскадры назначены: капитанъ I ранга Потаповъ — Комендантомъ пункта высадки въ Галлиполи и контръ-адми-

ралъ Степановъ — Комендантомъ Порта Мудросъ. Однако, это второе назначеніе не состоялось, т. к. Французское Морское Командованіе, подъ предлогомъ, что, послѣ высадки войскъ на Лемносъ, въ Мудросѣ русскія судна стоять не будутъ, не признало учрежденія должности Русскаго Коменданта Порта Мудросъ, а просило лишь Командующего Русской Эскадрой, черезъ адмирала Дюмениль, отправить въ Мудросъ морскую команду изъ кочегаровъ, машинистовъ и водопроводчиковъ, примѣрно въ 20 чел., подъ командой младшаго офицера, для обслуживанія и ремонта водопровода и электрической станціи на о-вѣ Лемносъ. Съ этой цѣлью Командующимъ Русской Эскадры былъ назначенъ на Лемносъ инж. мех. стар. лейт. Оппель и соотвѣтствующая группа. Изъ плавучихъ средствъ въ Мудросъ былъ отправленъ буксиръ „Доброволецъ".

1-го декабря въ Галлиполи вышли лин. кор. „Георгій Побѣдоносецъ" на буксирѣ ледокола „Джигитъ", тральщикъ № 412 съ прѣсной водой и буксиръ „Тайфунъ". Назначенному Комендантомъ пункта высадки въ Галлиполи кап. I р. Потапову Начальникомъ Штаба Русской Эскадры было дано предписаніе итти съ перечисленными судами въ Галлиполи, гдѣ вступить въ исполненіе обязанностей Старшаго Морского Начальника.

На „Георгіи Побѣдоносцѣ" предписывалось размѣстить воинскія части по указанію генерала Кутепова. Принятую на тральщикъ № 412 питьевую воду указывалось расходовать наиболѣе экономно и раціонально, имѣя въ виду, что этой воды должно хватить на продолжительное время. Инструкціей, данной Штабомъ Эскадры Стар. Морск. Нач-ку, вмѣнялось въ обязанность: 1) — Оказывать всевозможное содѣйствіе ген. Кутепову по высадкѣ войскъ съ судовъ на берегъ. Для упорядоченія высадки надлежало поставить „Георгій Побѣдоносецъ" на якорь такъ, чтобы черезъ помѣщенный между нимъ и пристанью тральщикъ № 412 было сообщеніе съ берегомъ непосредственно и транспорты, подходя къ борту „Георгія Побѣдоносца", могли бы высаживать черезъ него людей на берегъ. 2) — Для охраны транспортовъ и ихъ грузовъ предписывалось испрашивать ген. Кутепова караулы для охраны судовъ за все время ихъ стоянки. 3) — Доносить На-

чальнику Штаба Эскадры, пользуясь каждой оказіей, объ обстановкѣ. 4) — Комендантъ пункта высадки въ Галлиполи оставался въ непосредственномъ подчиненіи Командующаго Русской Эскадрой. Это назначеніе Французскимъ Морскимъ Командованіемъ было признано, хотя оно, видимо, находило слишкомъ высокимъ чинъ штабъ-офицера, назначеннаго къ исполненію этихъ обязанностей.

На нашихъ пароходахъ, уходившихъ съ бѣженцами изъ Константинополя въ порты другихъ государствъ, кромѣ нашихъ комендантовъ — флотскихъ офицеровъ, — Французскимъ Командованіемъ назначались еще и свои комиссары — изъ мичмановъ и гардемаринъ. Разграниченіе обязанностей русскихъ комендантовъ и французскихъ комиссаровъ обуславливалось тѣмъ, что весь порядокъ на кораблѣ находился въ вѣдѣніи коменданта, а комиссару представлялось право внѣшнихъ сношеній съ подлежащими властями, въ согласіи съ которыми комендантъ долженъ былъ исполнять свои обязанности. Русскимъ комендантамъ пароходовъ и транспортовъ Командующій Эскадрой приказывалъ всѣ распоряженія французскихъ властей исполнять немедленно, послѣ чего доносить Командующему.

Надо замѣтить, что за все время очень сложной, тяжелой и неблагодарной работы по разгрузкѣ и распредѣленію по лагерямъ войскъ и бѣженцевъ съ нашихъ судовъ, отношеніе къ нимъ Французскаго Командованія и властей было, за малымъ исключеніемъ, вполнѣ благожелательное и предупредительное. Изъ крупныхъ осложненій имѣло мѣсто лишь недоразумѣніе на о-вѣ Лемносъ при высадкѣ войскъ между нашимъ Начальникомъ Отряда Транспортовъ кап. I р. Федяевскимъ и французскимъ губернаторомъ острова генераломъ Бруссо, не желавшимъ считаться съ инструкціями, полученными этимъ штабъ-офицеромъ отъ Русскаго Командованія, составленными въ согласіи съ Французскимъ Морскимъ Командованіемъ. Когда несмотря на приказаніе генерала Бруссо не уходить изъ Мудроса кап. I р. Федяевскій все же вышелъ, Командующій Французской Эскадрой адмиралъ Де-Бонъ, по жалобѣ генерала Бруссо, просилъ о смѣнѣ кап. I р. Федяевскаго. Однако, когда Командующій Русской Эскадрой объяснилъ адмиралу Де-Бонъ, что кап. I р. Федяевскій дѣйствовалъ точно на осно-

ваніи данныхъ ему инструкцій и принялъ всю отвѣтственность въ этомъ столкновеніи на себя, то французскій адмиралъ этимъ вполнѣ удовлетворился.

Конечно бывали иногда тренія и мелкія недоразумѣнія между Русскимъ и Французскимъ Командованіемъ, но всѣ они быстро разрѣшались благодаря благожелательному къ намъ отношенію и индивидуальнымъ качествамъ адмираловъ Де-Бонъ и особенно Дюмениль съ одной стороны и высшему такту, твердо и настойчиво проводимымъ Главнокомандующимъ и Командующимъ Эскадрой — съ другой.

Продолженіе слѣдуетъ.

Стар. лейт. К. фонъ-Нотбекъ

НОВОЕ О СОВѢТСКОМЪ ФЛОТѢ

Очередная сводка

1. Исправленіе ошибокъ и опечатокъ.

В Томѣ XIV, № 2/3 (42) стр. 54. г) Тральщики. По недосмотру типографіи пропущенъ абзацъ:

2. г) Улучшеннаго типа „Василій Громовъ".

Водоизмѣщеніе — 900 тоннъ, ходъ 25 узловъ, вооруженіе — 2-100 мм. орудія, нѣсколько мелкихъ противоаэропланныхъ орудій, 2 трубы, 2 мачты. Получены снимки тральщиковъ „777" и „778" Черноморскаго флота.

Стр. 55. Водоизмѣщеніе новаго ледокола съ атомнымъ двигателемъ не 5.500, а 15.500 тоннъ. Повидимому, онъ еще не начатъ постройкой, а дѣлаются, пока, только приготовленія къ закладкѣ.

Стр.58. Фамилія совѣтскаго министра авіаціи не Жихревъ, а Жихаревъ.

2. Высшее командованіе.

Командующимъ совѣтскимъ Тихоокеанскимъ флотомъ уже нѣкоторое время состоитъ вице-адмиралъ Чекуровъ.

3. Крейсера типа „Свердловъ".

Въ составѣ совѣтскаго флота Ледовитаго океана появился новый крейсеръ этого типа съ названіемъ „Молотовскъ". Спущенъ онъ въ 1954 году въ Молотовскѣ.

4. Новые эскадренные миноносцы.

Въ составѣ совѣтскаго Тихоокеанскаго флота появились новые эскадренные миноносцы съ названіями: „Вдумчивый", „Великолѣпный", „Видный", „Властный", „Вліятельный", „Внимательный", „Внушительный", „Воинственный", „Враждебный", „Вразумительный", „Вѣрный" и „Выносливый". Названія эти нуждаются еще въ провѣркѣ, хотя часть ихъ уже получила подтвержденіе изъ другихъ источниковъ. („Вдумчивый", „Властный", „Вразумительный").

5. Подводныя лодки.

По свѣдѣніямъ штаба командующаго флотомъ NATO въ Совѣтскомъ Союзѣ каждыя двѣ недѣли вступаютъ въ строй три новыя подводныя лодки, т. е. 78 въ годъ.

6. Движеніе судовъ.

Отрядъ судовъ флота Ледовитаго океана въ составѣ новаго крейсера „Молотовскъ" и эск. мин. „Ожесточенный" и „Отвѣтсвенный" въ началѣ августа 1956 г. посѣтилъ Осло и Гетеборгъ. Одновременно крейсеръ „Орджоникидзе" и эск. мин. „Суровый" и „Сердитый" Балтійскаго флота посѣтили Копенгагенъ. Отрядъ судовъ Балтійскаго флота въ составѣ крейсера „Свердловъ" подъ флагомъ контръ-адмирала Котова и эск. мин. „Суровый" и „Серьезный" въ концѣ лѣта посѣтили голландскій портъ Ротердамъ. Съ 22-го до 28-го іюня с. г. отрядъ Тихоокеанскаго флота въ составѣ крейсера „Дмитрій Пожарскій" подъ флагомъ Командующаго Тихоокеанскимъ флотомъ вице-адмирала Чекурова, и эск. мин. „Вдумчивый" и „Вразумительный" гостилъ въ Шанхаѣ. Отряду въ Шанхаѣ была устроена восторженная встрѣча, адмиралъ Чекуровъ и командиры судовъ были приглашены въ Пекингъ, гдѣ были лично приняты Мао-Це-Дуномъ и Чоу-Энъ-Лаемъ, а два родившихся въ Шанхаѣ въ самый день прихода отряда китайченка-близнеца получили имена Вдумчивый и Вразумительный, понятно, въ китайскомъ переводѣ.

Въ свою очередь, отряды судовъ шведскаго, датскаго и норвежскаго флота посѣтили Ленинградъ, а шведы также и

Ригу. Большой отрядъ судовъ флота Краснаго Китая съ отвѣтнымъ визитомъ посѣтили Владивостокъ. Названіе эск. мин. Черноморскаго флота, вмѣстѣ съ крейсеромъ „Михаилъ Кутузовъ", посѣтившихъ порта Югославіи — „Безсмѣнный" и „Безукоризненный".

Въ іюлѣ 1956 г. черезъ датскіе проливы, направляясь къ Мурманскому побережью, прошелъ отрядъ въ составѣ двухъ крейсеровъ типа „Свердловъ", 4-хъ конвойныхъ миноносцевъ типа „Рига", 4-хъ большихъ подводныхъ лодокъ типа „В" съ отличительными номерами 66, 68 72 и 75 и посыльное судно „Г-482" (бывш. герм. тральщикъ). Надо полагать, что и этотъ отрядъ, по примѣру предыдущихъ лѣтъ, въ концѣ лѣта 1957 года появится въ водахъ Тихаго океана.

Во время недавнихъ волненій въ Польшѣ на рейдѣ Данцига былъ сосредоточенъ значительный отрядъ судовъ совѣтскаго Балтійскаго флота въ составѣ 3 крейсеровъ, 17 эск. мин. и 6 тральщиковъ. Простоявъ 4 дня на рейдѣ и ничѣмъ себя не проявивъ въ смыслѣ усмиренія польскихъ безпорядковъ, отрядъ былъ отозванъ обратно въ свои базы Балтійскъ и Либава.

КРАТКОЕ ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННАГО СОСТОЯНІЯ ФЛОТОВЪ ВСѢХЪ МОРСКИХЪ ДЕРЖАВЪ.

Сравненіе современнаго состоянія флотовъ большинства морскихъ державъ съ ихъ состояніемъ въ началѣ 2-ой Міровой войны приводитъ къ заключенію, что военно-морская сила, въ общемъ, сейчасъ переживаетъ **періодъ упадка**. Понесенныя за 2-ю Міровую войну крупныя потери, экономическія затрудненія многихъ государствъ, потеря нѣкоторыми своихъ колоніальныхъ владѣній, общая усталость отъ войны, неясность политическаго положенія и неизвѣстность, какимъ образомъ отразятся на военно-морской силѣ новые типы оружія — атомныя и водородныя бомбы и управляемые ракетные снаряды — являются главными причинами этого упадка. Особенно разителенъ упадокъ военно-морской мощи Англіи, еще въ недавнемъ прошломъ грозной „владычицы морей", флотъ которой спустился теперь на третье мѣсто въ спискѣ морскихъ державъ; значительно уменьшился флотъ Франціи, совершенно, почти, исчезли еще недавно могущественные фло-

ты Японіи, Германіи и Италіи. И только могущественный флотъ Соединенныхъ Штатовъ и быстро развивающійся флотъ Совѣтскаго Союза въ настоящее время могутъ считаться „великодержавными" флотанми, т. е. флотами, имѣющими **наступательный** характеръ, предназначенный для борьбы за „владѣніе моремъ". Всѣ остальные флоты, въ томъ числѣ и флотъ Англіи, имѣютъ чисто **оборонительный** характеръ, и видятъ свою главную задачу въ охранѣ каравановъ комерческихъ судовъ, въ борьбѣ противъ подводныхъ лодокъ, въ очищеніи фарватеровъ отъ непріятельскихъ минъ и въ оборонѣ подступовъ къ важнейшимъ портамъ. Сообразно съ этимъ, измѣнился и судовой составъ этихъ флотовъ, причемъ центръ тяжести передвинулся отъ крупныхъ боевыхъ судовъ въ сторону военныхъ судовъ небольшого водоизмѣщенія. Эскадренные миноносцы, спеціальные конвойные миноносцы, фрегаты, истребители подводныхъ лодокъ и торпедные катера являются сейчасъ наиболѣе распространенными типами военныхъ судовъ „poussiere navale", какъ ихъ мѣтко называеть издатель извѣстнаго морского справочника „Les Flottes de Combat" Henry de Masson. Крупныя боевыя суда строятся только въ Содиненныхъ Штатахъ, Совѣтскомъ Союзѣ и во Франціи. Достойно удивленія, что подводныя лодки, имѣвшія столь значительный успѣхъ какъ въ 1-ю, такъ и во 2-ю Міровую войну, строятся только въ небольшемъ количествѣ, и одинъ лишь Совѣтскій Союзъ придаетъ имъ первенствующее значеніе и строитъ огромный подводный флотъ.

Но **идея морской силы жива.** Каждое изъ многочисленныхъ новыхъ государствъ, образовавшихся послѣ 2-ой Міровой войны, съ первыхъ-же дней своего самостоятельного существованія приступило къ созданію собственной морской силы. Нѣкоторые изъ этихъ новыхъ флотовъ находятся еще въ зачаточномъ состояніи, другіе приняляи уже значительные размѣры и имѣютъ тенденцію къ дальнейшему усиленію. Нѣкоторые съ честью выдержали уже первыя боевыя испытанія, какъ молодые флоты Южной Кореи, Національнаго Китая и Израиля.

Этимъ новымъ флотамъ я посвящу спеціальную главу въ своемъ очеркѣ.

Значительно увеличились флоты нѣкоторыхъ второстепенныхъ морскихъ державъ, въ особенности, флоты Голландіи и Швеціи.

Судовой составъ всѣхъ флотовъ, исключая флоты коммунистическаго блока, не представляютъ собой ничего секретнаго, и подробныя, хотя, по неизбѣжности и нѣсколько устарѣлыя свѣдѣнія о немъ имѣются въ морскихъ справочникахъ (свѣдѣнія морскихъ справочниковъ отстаютъ отъ дѣйствительнаго положенія на два года). Въ моемъ очеркѣ я исправляю эти неточности на основаніи новѣйшихъ свѣдѣній, получаемыхъ изъ спеціально-морской и общей печати и изъ другихъ источниковъ.

Въ своемъ обозрѣніи я не буду вдаваться въ техническія подробности, а буду давать только краткія свѣдѣнія о судовомъ составѣ, по возможности, съ указаніемъ, сколько судовъ каждаго типа находится въ кампаніи, въ резервѣ и въ постройкѣ, и общую характеристику каждаго отдѣльнаго флота.

Обозрѣніе отдѣльныхъ флотовъ начну въ слѣдующемъ номерѣ „Морскихъ Записокъ" съ флота Соединенныхъ Штатовъ.

БИБЛІОҐРАФІЯ

«ЦУСИМА»

Г. Б. Александровскій

320 стр. Цѣна 3.25 съ пересылкой

Русская Зарубежная Библіотека № 76.

Авторъ посвящаетъ свою книгу свѣтлой памяти Генералъ-Адъютанта вице-адмирала Зиновія Петровича Рожественскаго, доблестныхъ командировъ, офицеровъ, кондукторовъ и матросовъ Второй Тихоокеанской Эскадры и во введеніи указываетъ, что за исключеніемъ нѣсколькихъ чисто профессіональныхъ разборовъ боя и военно-морскихъ трудовъ, въ прессѣ до сихъ поръ не появлялось написаннаго въ литературной формѣ описанія боя для широкаго круга читателей, кромѣ какъ книги того же наименованія совѣтскаго писателя,

бывшаго баталера эск. брон. „Орелъ", Новикова-Прибой. Въ своей книгѣ Новиковъ всѣми силами старается опорочить адмирала Рожественскаго и участвовавшихъ въ бою офицеровъ, героическіе поступки которыхъ онъ высмѣиваетъ. Результатомъ этого книга, переведенная на многіе иностранные языки, оставляетъ ложное и возмутительное впечатлѣніе, приводящее къ неблагопріятнымъ выводамъ.

Вышеприведенныя причины побудили автора попытаться дать полное и правдивое описаніе и освѣщеніе Цусимскаго боя, основанное исключительно на источникахъ, обширный списокъ коихъ приложенъ и изъ которыхъ авторъ черпаетъ всѣ поступки и слова участниковъ сраженія.

Переходя къ описанію боя, авторъ даетъ картину происходившаго, какъ на отдѣльныхъ корабляхъ, такъ и тактическое описаніе боя всей эскадры во всѣхъ его фазахъ, анализъ дѣйствій адмирала Рожественскаго, маневрированіе русскихъ и японскихъ силъ, и цѣлый рядъ тщательно составленныхъ статистическихъ данныхъ о силахъ противниковъ, артиллерійскомъ вооруженіи, попаданіяхъ въ японскіе корабли и проч.. Внимательно сравнивая различные моменты боя по различнымъ русскимъ, японскимъ и иностраннымъ источникамъ, авторъ отмѣчаетъ допущенныя Истор. Комиссіей при Морскомъ Генеральномъ Штабѣ невязки въ моментахъ маневрированія противниковъ во время боя и дѣлаетъ свои выводы о причинахъ разгрома эскадры.

Авторъ указываетъ, что цѣль книги — въ полувѣковую годовщину боя — отдать честь памяти героевъ, большинство подвиговъ которыхъ осталось неизвѣстными, но навѣки соединены съ именами кораблей, на палубахъ которыхъ они храбро сражались и мужественно пріяли смерть.

Книга иллюстрирована фотографіями и къ ней приложена отлично составленный планъ боя 14-го мая 1905 г. у О-ва Цусима.

Особенно рекомендуется она поколѣнію, родившемуся и выросшему въ эмиграціи, а также тѣмъ, кто выбрался изъ за „желѣзнаго занавѣса", за которымъ появленіе историческихъ книгъ, подобно нынѣ отмѣчаемой, совершенно невозможно.

Книгу можно пріобрѣсти черезъ редакцію „Морскихъ Записокъ".

АѲОНСКОЕ СРАЖЕНІЕ, 19 Іюня 1807 г.

Въ предвиденіи боя, вице-адмиралъ Сенявинъ издалъ слѣдующій приказъ:

„Обстоятельства обязываютъ насъ дать рѣшительное сраженіе, но покуда флагмана непріятельскіе не будутъ разбиты сильно, до тѣхъ поръ ожидать сраженія весьма упорнаго, посему сдѣлать нападеніе слѣдующимъ образомъ: — непріятельскихъ адмираловъ — каждаго атаковать двумя нашими, со всевозможной рѣшительностью, какъ можно ближе, отнюдь не боясь, чтобы непріятель пожелалъ зажечь себя.

Прошедшее сраженіе 10-го мая показало, чѣмъ ближе къ нему, тѣмъ менѣе отъ него вреда. Пришедъ на картечный выстрелъ, начать стрѣлять. Съ кѣмъ начато сраженіе, съ тѣмъ и кончать или потопленіемъ или покореніемъ непріятельскаго корабля. Какъ по множеству непредвиденныхъ случаевъ невозможно сдѣлать на каждый положительныхъ наставленій, я не распространяю оныхъ болѣе; надѣюсь, что каждый сынъ отечества потщится исполнить долгъ свой славнымъ образомъ."

Составъ эскадръ:

Русская — 10 кораблей — 740 пушекъ.

Турецкая — 10 кораблей, 5 фрегатовъ, 3 шлюпа — 1196 пушекъ.

Потеры Турокъ: 3 корабля, 4 фрегата, 1 шлюпъ.

Убитыми — 230 ч. Ранеными — 160, пленными — 774.

Потеры Русскихъ: убитыми — 78, ранеными — 183.

Сообщилъ А. М. Чернушевичъ.

Printed by All-Slavic Publishing House
33 Bond Street, New York 12, N. Y., U. S. A.